

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена
ЛОГУНОВА

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

КОНКУРС
КИЛЛЕРОВ

Елена и Ирка

Елена Логунова
Конкурс киллеров

«ЭКСМО»

2004

Логунова Е. И.

Конкурс киллеров / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2004 — (Елена и Ирка)

Несчастья начались сразу, как только Елена отправила на юг закадычную подругу Ирку. Назавтра же они с оператором, снимая репортаж для вечернего выпуска теленовостей, обнаружили убитого заточкой человека. Труп был еще свеженьким и ехал в одном с ними трамвае. Не успела Елена сделать сюжет о покойном, как начались покушения на ее жизнь. Вскоре по электронной почте она получила загадочную шифровку, которую, хорошенько пораскинув мозгами, все же разгадала. Но легче от этого не стало. Да и страшно очень! И это несмотря на то, что ее охраняют верный кот, собака и приبلудный удав. Нет, надо немедленно отозвать боевую подругу Ирку из отпуска! С ее ста пудами веса она любого злодея с лица земли сотрет. А Елена будет при ней мозговым центром...

© Логунова Е. И., 2004

© Эксмо, 2004

Елена Логунова

Конкурс киллеров

Клянусь, на сей раз не я вляпалась в историю – это история вляпалась в меня: в виде разворота иллюстрированной газеты, выпорхнувшего из открытого окна движущегося вагона и впечатавшего мне в физиономию!

Раздраженно смахнув с лица трепещущий газетный лист, я вытянула шею: хотела напоследок еще раз увидеть Ирку, но поезд уже набрал ход. Проводив завистливым взглядом состав, убегающий к теплому морю, я вздохнула, поправила сумку на плече и зашагала по перрону к выходу в город. Противная газета с занудным шуршанием поскакала следом, норовя прилипнуть к моим пяткам.

– Отвяжись, а? – остановившись, раздраженно попросила я назойливую бумаженцию вполголоса, чтобы окружающие не подумали обо мне чего-нибудь плохого.

Газета пугающе скалилась помятой цветной фотографией какого-то рыжего лопухого гражданина.

– Ну, ладушки, – угрожающе сказала я. – Прошу заметить, ты сама напросилась!

Двумя пальцами подхватила лист с земли, яростно скомкала ее и запихнула поглубже в ближайшую мусорную урну.

Настроение у меня было, мягко говоря, неважное, все меня безмерно раздражало и злило, и потому я сама себе была противна. Негоже, конечно, идти по жизни со столь мрачной физиономией в такое прекрасное августовское утро – а, с другой стороны, чему мне радоваться? Любимый муж в отъезде, повез нашего маленького сынишку на родину предков, в Киев к бабушке и дедушке. Моя лучшая подруга с супругом только что укатили отдыхать к теплому морю в курортный город Сочи. А я осталась одна-одинешенька, как сирота казанская! Позабывтая-позаброшенная всеми в запыленном и прокаленном солнцем южном городе! Да еще при исполнении служебных обязанностей, заключающихся в своевременном телевизионном освещении горячих новостей, которых в период массовых отпусков так мало, что половину сюжетов приходится высасывать из пальца!

– Ну, нам-то палец в рот не клади, – вполголоса подбодрила я сама себя, пересекая при вокзальную площадь, чтобы свернуть в тихий проулок, ведущий к месту моей работы.

Идти туда от вокзала мне было не дольше пяти минут. Я посмотрела на часы: получалось, что появлюсь на рабочем месте минут на сорок раньше положенного. Охранник небось еще спит, придется либо безжалостно его будить, либо топтаться под дверью...

Так и не решив, что лучше, я вывернула из проулка к двухэтажному зданию телекомпании и очень удивилась, увидев, что металлическая входная дверь открыта настежь.

А прямо за ней, застыв в пояском поклоне, согнулся какой-то человек!

Заинтригованная, я вмиг позабыла о своих душевных страданиях, подкралась поближе к месту действия и опознала в согбенной фигуре нашего инженера Семена. Мастер на все руки и добрейшей души человек, он еще подрабатывает на полставки ночным охранником.

– Радикулит замучил? – сочувственно поинтересовалась я, подобравшись к нему.

– Ох! – Семен поспешно разогнулся, обернулся и уставился на меня с очень странным и даже подозрительным выражением лица.

Вид у коллеги был такой, словно его застучали за каким-то весьма нехорошим занятием!

– Лена! Ты почему так рано?

– Какая разница! Ты мне зубы не заговаривай, – сказала я, стараясь вникнуть в ситуацию. – Лучше скажи, ты что это тут делаешь, а?

Понять, что происходит, без комментариев я не могла.

В правой руке Семен держал большую плоскую малярную кисть, выпачканную красным. У поворота лестницы, один пролет которой вел наверх, в телекомпанию, а другой вниз, в туалетную комнату, стояло пластмассовое ведро с вонючей багровой краской. По лестничной площадке, вдоль порога, тянулась незаконченная еще густо-красная полоса шириной сантиметров пятнадцать.

– Это отметка для дежурной съемочной группы? – предположила я. – По отмашке начальства брать низкий старт?

Семен сконфуженно поморщился и промолчал.

Я покачала головой и тут заметила еще одну свежую красную полосу, протянувшуюся метра на два прямо по асфальту к углу соседней пятиэтажки. Ну, этому даже я не могла придумать никакого вразумительного объяснения!

– Семен, не томи, – изнывая от любопытства, попросила я. – Объясни, что ты рисуешь тут и зачем? Решил податься в импрессионисты? Несешь искусство в массы? Может быть, это шедевральная «Красная полоса» Семена Петрова, созданная по мотивам и в развитие темы знаменитого «Черного квадрата» Малевича?

– Да пропади оно все пропадом! – с чувством сказал задетый моими насмешками Семен, раздраженно швыряя кисть в ведро с краской. – Проклятый фэн-шуй!

Я проворно отпрыгнула в сторону, чтобы на меня не попали кроваво-красные капли импортной эмали.

– Зачем же так материться?

– Это я-то матерюсь?

– Слово, которое ты сказал, звучит непристойно!

– Ха! Да ты еще не слышала настоящих непристойностей! – Семен, похоже, нашел, на кого выплеснуть долго копившееся раздражение. – Вот это почитать не хочешь?

Выдернув из кармана какую-то скомканную бумажонку, он сунул ее мне под нос.

– Это что? – отстраняясь, спросила я.

– Инструкция к краске, – Семен яростно развернул бумажный комок. – В основном на языке изготовителя, то есть на китайском. Но есть и русский перевод, если это можно так назвать...

– Сема! – неподдельно изумилась я. – Ты что, не знаешь, как пользоваться краской?! Тебе для этого дела инструкция нужна? Ну, возьми «Тома Сойера» почитай, там детально описан процесс покраски забора и, кстати, рисования полос на земле!

– Слушай, я цивилизованный человек, – устало сказал Семен. – Более того, я инженер! Поэтому всегда предварительно знакомлюсь с инструкциями, рекомендациями и технической документацией. Написанному, как правило, верю и стараюсь поступать соответственно. Но как, по-твоему, я должен был реагировать на это?

Пальцем он нашел нужную строку и с выражением прочитал:

– «Возьмите одну эту банку на десятиерых квадратов и покройте ее по два раза. Чтобы получить наилучшее удовлетворение результатом, помещайте свое орудие в отверстие неоднократно на умеренную глубину. Чтобы не капало, излишки с конца оботрите»!

– Не может быть! – Я выхватила у него помятую инструкцию, пробежала глазами указанный абзац и захохотала:

– Надеюсь, ты не стал воплощать этот сомнительный порнографический сценарий?

– Этот – не стал, – покачал головой Семен, через силу улыбнувшись. – Хотя то, что я сейчас делаю, в принципе, иначе как порнографией не назовешь! Чертов фэн-шуй!

– Вот опять! Что за слово ты произносишь?

– Фэн-шуй! Та восточная лабуда, на которой помешана Настасья Ивановна! Ну вот, а теперь и наш директор ею проникся!

– Настасей?!

– Лабудой!

– Ага, – глубокомысленно изрекла я, смахнув выступивший на лбу пот. – С этого места давай-ка поподробнее!

Слегка успокоившийся Семен вытер руки ветошью, опустился на ступеньку и рассказал мне массу интересного.

Ну, то, что моя коллега-журналистка Настасья Ивановна помешана на экстрасенсорике и тому подобных малопонятных инфернальностях, я знала и без него. Как не знать, когда человек этим живет и дышит, то и дело привнося смятение в организованные умы трезво мыслящих коллег рассказами о ясновидящих, гадалках, колдунах и прочей мистике! Собственно говоря, Настя сделала это своей узкой специализацией: она готовит и ведет прямые эфиры с такого рода сомнительными деятелями. Никто другой этого делать не хочет, а Насте нравится!

Теперь, значит, у нее появилось новое увлечение: фэн-шуй, какое-то восточное учение о гармонии всего сущего. Вроде с помощью всяческих фэн-шуйских штучек можно наладить свою жизнь и быт идеальным образом: с личными проблемами разобраться, здоровье укрепить, финансовое положение поправить...

Последним аргументом и проникся наш доверчивый директор, озабоченный недостаточно стремительным ростом доходной части бюджета компании. Кулуарно выслушав предложения Настасьи Ивановны, Алексей Петрович рассудил, что хуже не будет, и санкционировал малозатратное офэншуивание вверенной ему территории.

Дойдя в рассказе до этого места, Семен вскочил со ступенек и устроил мне небольшую экскурсию. В ходе ее выяснилось, что красная полоса возле пятиэтажки призвана блокировать отрицательную энергию, стекающую с острого угла соседнего здания аккурат в нашу дверь, а вторая алая полоса, на лестнице, должна пресечь утеkanie финансовых потоков в сортир: по мысли авторов проекта, в отсутствие развилки денежки будут идти только вверх, прямоком в бухгалтерию. А на фасаде здания между окнами директорского кабинета все тот же Семен привесил для улучшения общей энергетики какую-то побрякушку вроде шестигранника с зеркальным глазом. Для этого бедняге Семену пришлось с риском для жизни высовываться из окна третьего этажа, и, если бы он грохнулся вниз, лично ему пришел бы полный и окончательный фэн-шуй! Познал бы он гармонию уже в лучшем из миров...

А еще внутри телекомпании по периметру помещений с неблагоприятной для бизнеса стороны света – не то восточной, не то западной, Семен не запомнил какой, им руководила Настя, – был протянут и прибит гвоздиками к плинтусу красный заградительный шнур, застенчиво маскирующийся под телефонный провод. Кроме того, сразу за порогом в холле были положены два шипастых пластмассовых коврика: сначала красный – для нейтрализации отрицательной энергии посетителей, потом зеленый – для придания им весомого положительного заряда.

– И это еще далеко не все, – устало закончил Семен, понуро присаживаясь перед ведерком с краской и выуживая из него кисть. – Но остальное ты сама увидишь...

Машинально вытерев ноги о новый зеленый коврик, я опасливо поднялась по ступенькам. Оглядываясь, прошла по пустому в этот час полутемному коридору к нашей редакторской, толкнула дверь и вскрикнула в изумлении, быстро перешедшем в негодование.

Ох, фэн-шуй – перефэн-шуй! Вся мебель в комнате была переставлена самым нелепым образом!

Уполз куда-то в угол удобный мягкий диванчик, уютное глубокое кресло для дорогих гостей и вовсе исчезло, шкаф с кассетами перегородил проход, столы сгрудились, как слоны на водопое, а на том месте, где с большим удобством располагался мой собственный рабочий стол, самодовольно урча, высился холодильник!

Я гневно взревела и решительно шагнула в помещение, походя возмущенно оборвав пару красных нитяных кисточек, неведь зачем привешенных к спинкам стульев.

Позади послышался шорох. Я развернулась на звук, как танковая башня. Тихо ойкнув, дежурные выпускающие Стас и Макс синхронно отпрыгнули в глубь коридора.

– Кто это сделал? – грозно спросила я.

– Тебе не нравится? – робко спросил Максим. – Но это не мы! То есть мы, но не сами! Это Настасья Ивановна вчера вечером после эфира велела сделать перестановку!

– Мы не виноваты, – добавил Стас.

– Если ты скажешь, переставим как было, – предложил Макс. – Для тебя не жалко постараться.

– Тогда постарайтесь, а? – сдержанно кипя, попросила я. – Я вернусь через час, надеюсь, к тому времени все будет на своих местах!

– А ты куда? – поинтересовался Стас, безотлагательно принимаясь ворочать тяжелое кресло.

Я ничего не ответила: некогда было. Зажав в побелевшем кулаке красную фэн-шуйскую кисточку, я смерчем промчалась по коридору, перепрыгнула через свежее Семеново художество и самого своевременно пригнувшегося Семена и вымелась из здания, хлопнув металлической дверью так, что она загудела, как гонг.

С Настей разговаривать, конечно, совершенно бесполезно, но я подозревала, что знаю, откуда тянется рука фэн-шуя, и намеревалась незамедлительно по этой руке надавать!

– Припаркуешься на обычном месте и жди меня, – велел Аркадий Валентинович водителю, выходя из машины.

Пожилой невозмутимый водитель Петрович молча кивнул и незамедлительно тронул машину с места. Стоянка на оживленной Ноябрьской была запрещена, поэтому «обычным местом» для парковки являлся удобный пятячок у расположенного неподалеку за углом районного загса.

Аркадий Валентинович неторопливо поднялся по мраморным ступенькам внушительного крыльца и шагнул в парадный подъезд старинного особняка. Под высокими, почти пятиметровыми сводами шаги звучали гулко и весомо: так, как и должны звучать шаги солидного бизнесмена, вершителя судеб местного масштаба.

– Проходите, проходите, она вас ждет! – юная секретарша при виде Аркадия Валентиновича вскочила с крутящегося табурета у компьютера.

Девушка была на редкость долговязой и длинноногой: когда она встала, показались аппетитные голые коленки. Одобрительно покосившись на них, Аркадий Валентинович проследовал в кабинет.

– Аркадий Валентинович, здравствуйте! Очень, очень рада вас видеть! – От просторного стола навстречу гостю поплыла хозяйка кабинета.

– Здравствуйте. Вы не одна? – Аркадий Валентинович с беспокойством посмотрел на коротко стриженный затылок мужчины, сутулящегося перед компьютером.

– Вы не знакомы? Это мой супруг! – Мадам легко коснулась плеча сутулого типа.

Он обернулся, внимательно посмотрел на гостя и радостно улыбнулся:

– Мы знакомы!

– Царь, – прошептал неприятно удивленный Аркадий Валентинович.

– Каша, – еще шире расплылся сутулый.

Хозяйка кабинета склонила чернокудрую голову к плечу, сделавшись похожей на недоумевающего ризеншнауцера.

– У вас свои секреты? – удивленно спросила она.

– У меня секретов нету! По секрету всему свету! – весело срифмовал тот, кого гость назвал Царем.

Аркадий Валентинович нахмурился.

– Дорогой, оставь нас, пожалуйста! Со своим архивом поработаешь позже, – дама кивнула в сторону работающего компьютера.

Аркадий Валентинович нахмурился пуще. Слово «архив» неприятно резануло ему слух. Машинально он посмотрел на монитор и вздрогнул. Мысли заматались в его голове, как подпаленные кошки, но Аркадий Валентинович сумел не выдать своего волнения.

– Одну секундочку! – Извинившись перед гостем, хозяйка выплыла за порог, мягко толкая впереди себя супруга. Тому явно не хотелось уходить, он подмигнул Аркадию Валентиновичу и громко сказал:

– Каша, я тебя подожду, побеседуем! Нам ведь есть что вспомнить, не правда ли?

– Конечно, конечно!

Оставшись в одиночестве, Аркадий Валентинович торопливо вынул из кармана легкого льняного пиджака сотовый телефон, набрал номер и, не представившись, бросил в трубку тоном, не допускающим возражений:

– Быстро в машину и ко мне! Оба!

– Еще раз простите! – В кабинет, обаятельно улыбаясь, вернулась мадам. – Займемся нашими делами.

– Займемся, – согласился посетитель, против воли вновь покосившись на монитор.

Коротким столбиком на экране компьютера светился список из нескольких фамилий. В середине его значилось ФИО Аркадия Валентиновича.

– Извините, не подскажете, где здесь студия магии «Изида»? – спросила я старушку, торгующую семечками.

– Изыди? – на свой манер повторила бабуля. Не дожидаясь продолжения, она пересыпала в газетный кулечек семечки из стакана. – А рядом, через два дома по улице, дите, не бойсь, мимо не пройдешь, вывеска там торчит такая бельмастая...

– Какая вывеска? – Я машинально взяла протянутый кулечек и опустила в коричневый ковшик мозолистой ладони двухрублевую монетку. Вообще-то я ненавижу семечки, но надо же поддерживать отечественного предпринимателя!

– Бельмастая вывеска, говорю тебе, – повторила разговорчивая старушка. – С глазом таким подслеповатым, как у моего деда, прям, можно подумать, с него и рисовали!

Бабушка оказалась права, «бельмастую» вывеску салона «Изида» я и в самом деле не могла бы пропустить. Изображенное на ней стилизованное око с угадывающимся в зрачке силуэтом египетской пирамиды бесцеремонно пялилось на прохожих со стенда, вынесенного на самую середину тротуара. Дабы никто не умыкнул это бесценное произведение искусства, стенд за подставку приковали цепью к древней кованой решетке для чистки обуви: студия магии «Изида» помещалась в старинном купеческом особнячке, каких в центре Екатеринодара сохранилось немало.

Пока мы с бельмастым оком играли в гляделки, с обнесенного изящной кованой оградкой мраморного крыльца сошла дама в сногшибательной кружевной шляпе. Я посторонилась, пропуская ее, заглянула под шляпу и увидела широко открытые глаза и беззвучно шевелящиеся губы. К волнующейся груди дама, явно находящаяся в потрясении, прижимала нежно-зеленый конверт.

Я проводила ее задумчивым взглядом и посмотрела на резную деревянную дверь салона. На ней, дубовой, потемневшей от времени, легкомысленно трепетал белый бумажный листок. Я присмотрелась: это оказалось отпечатанное на принтере объявление: «Курсы экстрасенсорики и ясновидения. Подключение к космическому каналу. Способности открываются автоматически».

Обещанное подключение к каналу у меня ассоциировалось исключительно с Интернетом.

– А какова, интересно, скорость космического канала? – безадресно, но весьма язвительно поинтересовалась я. – И кто в данном случае выступает в роли провайдера? Господь бог?!

Тихо фыркнув, я решительно поднялась на крыльцо, толкнула дверь и под музыкальный перезвон бубенцов-колокольчиков шагнула в плохо освещенную комнату, пропахшую восточными благовониями. С вертящегося табурета за совершенно неуместным здесь компьютером (ага, похоже, Интернет тут и в самом деле есть!) на меня внимательно посмотрела молодая особа с затейливой прической из мелких косичек.

– Телевидение, – хлопнув на стол перед ней развернутое удостоверение, деловито сообщила я. – Мне нужен ваш директор, быстро!

Благообразный дядечка, важно выступивший в предбанник из незамеченной мною двери, пристально посмотрел на меня и молча проследовал мимо. Значит, это не он нужный мне директор. Я проводила дядечку невнимательным взглядом и отметила, что и он держит в руке зелененький, как песенный кузнечик, бумажный конверт.

– Осения, – понимающе кивнула особа.

Ага, значит, директор женского пола. Директриса, стало быть.

– Осенняя она там или зимняя, мне вообще-то без разницы, – бесцеремонно заявила я. – Куда прикажете пройти?

– Осения – это ее имя, – терпеливо пояснила юная особа, нажимая незаметную кнопку на краю стола.

Уже через пару секунд одна из двух имеющихся в помещении дверей распахнулась, и в комнату в клубах ароматного дыма всплыла импозантная дама милой моему сердцу конфигурации: гренадерского роста и очень объемистая, точь-в-точь как моя любимая подруга Ирка. Дама была облачена в длиннополое темно-зеленое одеяние, густо затканное золотыми и серебряными нитями. Прическу ее я бы определила как нечто среднее между свободным гавайским стилем и церемониальным древнеегипетским: перевитые гирляндами искусственных цветов и золотистыми змейками смоляные кудри дамы были живописно разбросаны по плечам. Грудь щедро обнажена, шея в три ряда обмотана золотыми цепями, а в декольте уютно улегся агатовый скарабей, подозрительно похожий на настоящего навозного жука. Я присмотрелась: лапки жука не шевелились. Дохлый, наверное.

– Кто меня спрашивает? – глубоким контральто спросила дама, и я сразу узнала этот голос!

– Галка! – воскликнула я. – Неужели это ты?!

– Ленка? – дама расплылась в улыбке и разом потеряла всю свою важность. – Ленка! А ты совсем не изменилась!

– Зато ты-то как изменилась! – подхватила я, увлекаемая хозяйкой в глубь ее кабинета. – Была рыжая и конопатая кустодиевская барышня, а теперь, глядите-ка: Клеопатра какая-то, вся из себя загадочная, бледная и брюнетистая! То бишь, как там тебя теперь – Осения?

– Ты же понимаешь, это псевдоним. – Галка со вздохом опустилась в глубокое бархатное кресло. – Смоляные волосы – это парик, черные глаза – линзы, белая кожа – тональный крем.

– Ну хоть таракан-то настоящий? – я показала пальцем на черного жука в декольте.

– Еще чего! – Галка обиженно надула губы.

– Ладно, не обижайся! – весело сказала я. – Нет, в самом деле, кто бы мог подумать, что хозяйкой этого заведения окажешься ты! Ты, моя однокурсница, соседка по общежитию, товарищ по команде КВН, Галка Воловяк!

Я растроганно улыбнулась, вспоминая прошлое. С этой толстой теткой в бытность ее пухлой барышней мы вместе ездили в колхоз на сбор урожая яблок и в кубанскую глухомань на фольклорную практику. Рядом с толстощекой мясистой Галкой я смотрелась изможденным узником Дахау, и сердобольные станичные тетки наперебой совали мне вкусные пироги с

абрикосами, банки с густой деревенской сметаной, угощали медом и варениками с вишнями. Ничего вкуснее я с тех времен не едала!

– Слушай, как же ты докатилась до этого балагана? – Я неохотно вернулась в настоящее время. – Умная же девка была! Диплом защищала по психологизму Стендаля!

– И психологизм мне очень даже сгодился, – хмыкнула Галка. – В дело пошел! Или ты думаешь, мы тут людям голову морочим?

– Морочите, ясное дело! – Я вспомнила, зачем пришла, и посуровела. – Знаешь, Галка, вечер воспоминаний мы с тобой устроим позже, а сейчас я с тобой скандалить буду! Ты, подруга дней моих суровых, Давыдову Настасью Ивановну знаешь?

– Ну? Конечно, знаю я Настю, она программы с моими бабами на телевидении ведет. Старается – жуть! Я сама порой впечатляюсь! Так и побежала бы снимать с себя венец безбрачия или порчу отводить! А уж клиент к нам после каждого эфира просто косяком валит!

– Ага! – победно воскликнула я. – А теперь представь, что с этим клиентом будет, если вместо Настасьи Ивановны в эфир с твоими липовыми ведьмачихами сяду я? Как ты думаешь?

– Ты?! Нет, только не это! – В испуге Галка замахала пухлыми ручками, разбрызгивая блики от камней в перстнях, как дискотечный зеркальный шар. – Знаю я тебя, язву этакую! Ты мое бабье высмеешь, вышутишь, по стене размажешь и ногой разотрешь! А я, между нами говоря, этот свой хлебный бизнес больше года строила!

– Ломать – не строить, – согласно кивнула я, очень довольная тем, что мои слова произвели должный эффект. – Если ты не хочешь проблем – давай с тобой по-хорошему договоримся: я – да простят меня несчастные облапошенные вами граждане! – не буду лезть в твои дела, а за это ты поумеришь реформаторский пыл моей коллеги Настасьи Ивановны. А то науськали, понимаешь, Настьку так, что девка совсем ополоумела с вашими фэн-шуями! Теперь рядом с ней и нормальным людям жизни нет!

– По рукам! – Галка поспешно хлопнула меня по ладони.

– Отлично! – Я выкарабкалась из бесформенно-мягкого кресла, нашла в набитой хламом сумке слегка помятую визитку и положила ее на стол перед старой приятельницей. – Если захочешь пообщаться – звони, здесь указаны все мои телефоны, и служебные, и домашний, и сотовый, и даже электронная почта! А я побежала, у меня работа.

– Стой! – Галкин окрик остановил меня у двери.

Я обернулась. Мадам Осения мощно вздохнула. Благоуханный сизый туман расслоился и поплыл ключьями.

– Похоже, это паникадило у тебя работает, не выключаясь? – невольно поинтересовалась я, кивнув в сторону источника дыма.

– А что? Заодно комаров отпугивает!

– Людей, наверное, тоже! – Я снова взялась за дверную ручку.

– Вот всегда ты так! Одна нога здесь, другая там! Бегом и прыжками! – посетовала хозяйка апартаментов.

– А что? – повторила я.

– Что-что! Конверт возьми, – Галка выхватила из стопки на краю стола зеленый бумажный конверт, протянула мне. – Когда будешь от меня выходить – держи его в руках.

– Это еще зачем?

Она вздохнула:

– Для конспирации! Мы же договорились, что ты не будешь ломать мне бизнес? У меня все клиенты получают такие фирменные конверты с рекомендациями. Так что сделай лицо попроще, возьми конверт и не распугивай мне народ!

– Ладно! Чего не сделаешь для старых друзей!

Я по возможности скопировала ошалелое выражение лица, замеченное у достопамятной дамы в шляпе, и вывалилась из Галкиного кабинета в предбанник, держа зеленый конверт в вытянутых руках перед грудью, как пропуск. Кого-то смело с моего пути, кто-то ахнул вслед.

Торжественно спустившись с мраморного крыльца, я шмыгнула за угол, плюнула, затолкала конверт поглубже в сумку, вернула лицу обычное выражение и заторопилась к трамваю: на работу я уже опаздывала.

– Леночка! Родненькая! Спасай! – Главный редактор Дмитрий Палыч кинулся мне навстречу из угла, где, судя по состоянию его шевелюры, вдумчиво рвал на себе волосы.

Я с удовольствием отметила, что большой холодильник, занимавший этот угол всего час назад, благополучно мигрировал в место своей постоянной дислокации, и проворно отступила с пути несущегося на всех парах главного редактора. Теперь между нами был стол, и коллега рухнул на него, простирая ко мне дрожащие руки.

– Что, опять Апокалипсис? – хладнокровно поинтересовалась я, внимательно оглядываясь по сторонам.

Макс и Стас, спасибо им, постарались на совесть, теперь в кабинете снова можно было жить и работать. Никаких признаков ночных фэншуйских козней не осталось.

– Не то слово! – воскликнул Дмитрий Палыч, поправляя перекособочившиеся очки. – Наши охламоны вернулись со съемки – и что ты думаешь? Выступление губернатора записали без звука!

– А картинка есть? – спокойно спросила я, снимая телефонную трубку. – Да? Тогда все поправимо. Алло? Это редакция «Живем!»? Конопкина дайте, пожалуйста.

Дмитрий Палыч – сплошная экспрессия! – рухнул в кресло, молитвенно сложив руки. Я успокаивающе кивнула ему.

Наш главный редактор – симпатичнейший человек с одним-единственным недостатком: он ни черта не смыслит в том, как делается телевидение. Раньше он был директором консервного заводика и до сих пор иногда заговаривается, заявляя что-нибудь вроде: «Этот вопрос будет решать руководство заводоуправления!» Зато Дмитрий Палыч является держателем весомого пакета акций телекомпании, а потому – и членом совета директоров, на котором беззаветно отстаивает интересы трудового коллектива. Если, конечно, кто-нибудь вовремя доведет до его сведения, в чем эти самые интересы заключаются.

– Генка, солнце мое, привет, – промурлыкала я в трубку. – Скажи, кто-нибудь из ваших акул пера был сегодня утром на пресс-конференции губернатора? Ты сам и был? Ласточка моя! Выступление на диктофон записал? Умничка! Как расшифруешь, тащи кассету к нам, меняю ее на... – я вопросительно посемафорила бровями Дмитрию Палычу.

– На полцарства! – пустил слезу растроганный начальник.

– На бутылку коньяку из запасов руководства, – перевела я услышанное.

И положила трубку, не дожидаясь, пока Генка, по своему обыкновению, попросит у меня денег взаймы. Впрочем, он это всегда успеет сделать.

– Есть еще какие-нибудь неразрешенные проблемы? – спросила я Дмитрия Палыча. – Если нет, я схожу за мороженым и буду пить кофе, дома позавтракать не успела.

Откровенно говоря, дома я даже и не ночевала. Не подумайте чего плохого, просто ночлег мне предоставила Ирка: с вечера им с Моржиком нужно было помочь собрать вещи перед отъездом на курорт. Дом у моей подруги большой, комнат в нем много, одних кладовок три штуки, так что даже просто разыскать все нужное барахло и стащить его в одну кучу – процесс затяжной. А пока мы уложили чемоданы, пока утрамбовали самый большой из них, закрывшийся только после того, как Ирка с размаху обрушила на него весь центнер своего живого веса – полночи и прошло. Возвращаться мне домой на другой конец города не было ни времени, ни желания, ни смысла. И вообще, я пообещала подруге, что покараую особняк в ее

отсутствие, тем более кому-то нужно приглядывать за собакой – кстати говоря, моей собственной, но проживающей у Ирки. Пожалуй, заеду после работы домой, соберу вещи, прихвачу кота и переберусь на пару недель в Иркины хоромы. Кстати, не забыть бы забрать со стоянки у вокзала Иркину машину...

Я задумалась и пропустила мимо ушей часть эмоционального монолога начальника.

– Полная катастрофа! – виртуозно взлохматив обрамляющие плешь лохмочки, закончил Дмитрий Палыч.

– Ага, – я мобилизовалась. – К чему паниковать? Нормальный аврал! Подумаешь, двух сюжетов не хватает! До вечернего выпуска новостей еще шесть часов, что-нибудь сообразим. Одну группу можно послать на вокзал, пусть подготовят материал о том, как хорошо наши доблестные железнодорожники справляются с наплывом пассажиров...

– А они справляются? – робко удивился Дмитрий Палыч.

– Если не справляются, будет материал о том, как они позорно пасуют перед трудностями, – я философски пожала плечами. – Так, ну а вторую съемочную группу...

– Нету, – шепотом сказал начальник.

– Чего нету?

– Второй группы нет!

– Это как? – Я посмотрела на шефа с подозрением.

Телекомпания у нас небольшая, собственных программ мы производим совсем немного, в основном транслируем на край популярный столичный канал. Журналистов в штате компании четверо, операторов трое. А съемочная группа – это журналист плюс оператор, так что темнит что-то начальство, цифры не сходятся...

– Любовь Андреевна сегодня дома осталась, у нее внук заболел, Настя с утра унеслась готовить программу с очередным экстрасенсом. Считай, из журналистов у нас только Наташа и ты, – последовательно загибал пальцы шеф. – А с операторами и вовсе беда: Андрей на больничном, Петя в отпуске, а Женьку вчера на курсы отправили.

– Женьку? – возмутилась я, бессовестно лишенная своего оператора. – На какие такие курсы?!

– На бесплатные, – потупился Дмитрий Палыч.

– Понятно, – проворчала я.

Наш директор Алексей Петрович хозяйствует в высшей степени экономно, выбить из него финансирование какого-либо нового проекта – дело почти невозможное. Зато уж если мимо проплывает какая-никакая халява, Алексей Петрович зубами зря не щелкает. В этом отношении он у нас – настоящая акула капитализма.

– Зато у нас есть практикант, – робко предложил главный редактор. – Оператор-стажер, только сегодня пришел.

Я мрачно молчала.

– Все равно ведь нужно будет проверить, как он снимает, – просительно сказал шеф.

– Ладно, – смиловилась я. – Давайте своего стажера. Пусть собирает манатки и спускается к машине. Я быстренько глотну кофе, и мы поедem на поиски новостей.

Повеселевший Дмитрий Палыч вспорхнул с места и полетел к выходу из редакторской, но в дверях неожиданно замялся.

– Что еще? – еле сдерживаясь, поинтересовалась я.

Шеф вздохнул.

– Машина...

– Что машина? – вскинулась я. – Тоже в отпуске? Или на курсах?!

– В ремонте, – прошептал Дмитрий Палыч, тихо исчезая в коридоре.

– Катастрофа! – потеряв с таким трудом сохраняемое спокойствие, завопила я и с огромным трудом подавила порыв прыгнуть в освободившийся угол и рвать там на себе волосы!

Ехать на съемку незнамо чего и неизвестно куда, да еще с оператором-стажером и на общественном транспорте – о нет, такой кары господней я не заслужила!

Развернувшись в вертящемся кресле, я уставилась на утешительный плакатик, именно на такой случай собственноручно повешенный мною на белой стене:

«Съешьте с утра живую жабу, и ничего худшего с вами уже не случится!»

А ведь я сегодня даже не позавтракала!

Чтобы сообразить себе чашечку кофе, пришлось старательно поскрести по сусекам. В процессе я обнаружила, что у нас закончился и сахар, и полезла в нижний ящик своего стола за цилиндрической баночкой с надписью «Чай детский с ромашкой». В нее я конспиративно насыпаю сахар, чтобы всегда иметь под рукой НЗ сладкого песка.

Однако кто-то из моих смысленных коллег раскусил эту хитрость и в мое отсутствие бессовестно опустошил емкость. На дне банки сиротливо перекатывались два неровных кубика рафинада, очевидно положенных туда застенчивым воришкой в качестве компенсации – весьма слабой! А может, экспроприатор надеялся, что два кубика размножатся?

– Разве что делением, – грустно вздохнула я, соображая, где бы разжиться сахарком.

Двух малюсеньких кубиков на большую кружку мне совершенно недостаточно!

– Пойду в народ, – решила я.

Выпускающие видеомонтажеры прямого эфира сутками сидят в своей каморке с мониторами и вынужденно бодрствуют до глубокой ночи. Кофе у них – расходный материал, значит, и сахар найдется. Правда, выпросить его, возможно, будет непросто...

Прихватив дымящуюся кружку с несладким пойлом в надежде, что она придаст убедительность моей смиренной просьбе, я покинула кабинет и пошла по коридору. На ходу церемонно раскланивалась с коллегами, и очередной мой реверанс пришелся как раз против двери в студию. Опасаясь облить кого-нибудь кипятком, я предусмотрительно держала руку на отлете, и внезапно распахнувшаяся дверь одним махом выбила у меня чашку.

Посудина грохнулась на пол, и на светлом паркете разлилась коричневая лужа.

– Теперь нужно просить в комплекте и сахар, и кофе! – с укором сказала я режиссеру Славе, чье неожиданное появление стало причиной катаклизма. – А тебе придется сбегать за тряпкой и вытереть пол!

– Минут через пять, хорошо? – кротко, но на редкость зловещим тоном отозвался Славик, маниакально блестя очками. – Тут еще сейчас потекут реки крови! Так что я эту твою лужу осушу потом заодно с ними.

Мне стало интересно, что вызвало такой приступ кровожадности у обычно добродушного Славы. Я даже забыла поднять с пола свою кружку. Сунулась в студию и увидела у синей стены, на экране телевизора превращающейся в живую картинку, смущенную Наташу со школьной указкой в руках.

Я глянула на часы: все правильно, только что закончился выпуск метеопрогноза, единственной нашей программы в утреннем прямом эфире.

– Что случилось? – поинтересовалась я.

– Случилось то, что она хохотала! – обвиняюще вскричал Славик, выныривая из-за моего плеча. – Причем дважды! И оба раза – в самой середине основного рекламного текста!

– Этого не может быть, – примирительно заметила я. – Середина у чего бы то ни было всего одна, так что точно посреди рекламного текста она могла хохотать только один раз.

– А ты ее не защищай! – Славик протиснулся мимо меня в студию и забегал кругами вокруг камеры на штативе.

Оператор Алеша, методично сматывающий шнуры, посмотрел на возбужденного режиссера с неодобрением. Дождавшись, пока Слава в очередной раз пробежит мимо него, Алеша ловко подставил ему ножку.

Шестипудовый Слава ласточкой полетел в дальний угол, занятый студийной выгородкой программы «Будем здоровы!». С магнитной доски попеременно с ненадежным крепежом посыпались бумажные полоски с названиями рубрик. Взмущенный Слава отмахивался от них, как от назойливых мух.

– Пациент скорее жив, чем мертв, – прокомментировал Алеша.

Режиссер снял с плеча листочек с надписью «Берегите нервы!» и возмущенно засопел, готовясь вновь взорваться.

Короткой паузой воспользовалась Наташа.

– Саша, верни суфлера, – поднеся к губам снятую было с лацкана радиопетличку, попросила она.

Видеоинженер в аппаратной за стеклом кивнул и потянулся к пульту.

– Посмотри, – Наташа привлекла мое внимание к монитору.

Я всмотрелась в череду бегущих буковок и засмеялась. Потом захохотала в голос.

– Два раза, – с нескрываемым удовлетворением констатировал Алеша и посмотрел на Славу.

– Славик! Ты сам-то этот текст читал? – я обернулась к режиссеру, выбирающемуся из угла, как разъяренный гризли из берлоги.

– Нет! Но я его писал! – Слава остановился посреди студии, выхватил из нагрудного кармана бумажный листок и с выражением прочитал: – Дорогие друзья, турфирма «В добрый путь!» приглашает вас своими глазами увидеть увитые плющом руины древнегреческих храмов. Размещение на выбор: в комфортабельных отелях на побережье или на уединенных виллах в горах!

И он остро сверкнул окулярами в Наташину сторону:

– Что здесь смешного? Нормальный рекламный текст!

– Нормально дебильный, – кивнула я. – А телетекст суфлеру кто набивал? Макс? Тогда и претензии не к Наташе, а к нему! Ты посмотри, он же умудрился сделать в твоём тексте две орфографические ошибки, да какие! Слово «виллы» с одной буквой «эл» и руины, увитые не плющом, а плющем! Ты представляешь себе эту картину? Уединенные вилы в горах, увитые плющем?

Слава задумчиво скосил глаза в угол с разоренной выгородкой медицинской программы и через мгновение неуверенно хохотнул – раз, другой...

– Что и требовалось доказать! – удовлетворенно кивнув, я покинула студию.

И двинулась по коридору на поиски стажера-оператора, которому выпало счастье начать свою работу на телевидении с таким мудрым и добрым человеком, каким я чувствовала в данный момент себя.

Обычное заблуждение клинических идиотов!

Трамвай плавно прошел поворот и подкатил к остановке. Передняя дверь открылась прямо перед нами.

– Заходишь в вагон и сразу начинаешь снимать, – в десятый раз проинструктировала я стажера. – Сделай быстренько несколько общих планов, пока граждане не очухаются и не начнут отворачиваться от камеры или, еще хуже, приветственно махать в объектив ручками.

– Да понял я, все понял, – сквозь зубы проворчал утомленный моими наставлениями парень, с камерой на плече ныряя в открытую дверь.

Я быстро пробежалась вдоль вагона и успела заскочить на заднюю площадку.

Так, что тут у нас? С трамваем повезло, народу в вагоне немного, в проходе никто не стоит, оператору не мешает. Одуревшая от жары кондукторша лениво поглядела на Вадика и безразлично отвернулась, понимая, что платы за проезд с нас не взять. Мой стажер, покачива-

ясь и не отрывая глаза от видеоискателя, беспрепятственно брел по проходу. Без штатива, да... Представляю, какая чудесная будет картинка...

Я отогнала несвоевременные мысли и внимательно оглядела сидящих: ну, кому тут хуже других?

Отправляясь на съемку, я провентилировала вопрос в городском центре медпрофилактики и получила статистическую сводку, свидетельствующую о том, что именно пассажиры общественного транспорта в это августовское пекло являются группой риска по части тепловых ударов. Оставалось найти кого-нибудь хоть отчасти ударенного.

Ага, вот я вижу прекрасный экземпляр пассажира полуобморочного обыкновенного!

– Вадик, сними этого типа, – возбужденно шепнула я стажеру. – Общий план, несколько крупняков, особо – капли пота на затылке. А потом я попробую привести его в чувство, за шкуру потрясу, что ли, или по мордасам похлопаю для экспрессии в кадре...

Мужчина в светлых брюках и белой рубашке, поникнув головой, сидел в последнем кресле по левому борту. Лица его я не видела – человек не то спал, не то действительно находился в обморочном состоянии. Рыжие волосы парня ерошил гуляющий по вагону сквозняк, одна рука лежала на коленях, другая безвольно свешивалась вниз, оттягиваемая массивными часами. Похоже, настоящий «Лонжин», с удивлением отметила я, странно, что обладатель столь дорогой вещицы ездит в трамвае! По идее, этот фирменный хронометр должен идти в комплекте с «Мерседесом».

– Подвинься, – стажер бесцеремонно оттолкнул меня в сторону, и я едва удержалась на ногах: трамвай как раз вошел в поворот.

Объект съемки тоже покачнулся, но с кресла не свалился, только голова его запрокинулась, но и этого оказалось достаточно, чтобы мне стало понятно: парень безнадежно мертв!

В груди несчастного, посередине левого кармана, торчала рукоятка не то ножа, не то отвертки. Кажется, это называется «заточка». Странно, а рубашка по-прежнему белая, крови не видно совсем...

Вадик прерывисто вздохнул, опустил камеру и уставился на меня округлившимися глазами. Я стряхнула с себя оцепенение.

– Прекрати тарашиться, – тихо зашипела я, боясь раньше времени привлечь чье-нибудь внимание. – Хватит тут и одного пучеглазого! Отомри! Ты что, покойников никогда не видел?

– Вот это вилы! – пробормотал мой практикант, бледнея на глазах.

– Уединенные вилы в горах, увитые плюшем, – машинально отозвалась я.

Злосчастные вилы виделись мне, как наяву: на их острых рожах торжественно и печально трепетали траурные черные ленточки...

– Он же м-мертвый! – вернул меня к действительности Вадик.

– Покойники все мертвые! – оборвала я разболтавшегося стажера. – Живо снимай, или ты сейчас тоже таким будешь! Убью немедленно собственными руками!

Вадик сглотнул и водрузил камеру на плечо. Чтобы загородить оператора, я обошла его с фланга и застопорилась в проходе, схватившись обеими руками за спинки кресел с двух сторон. Поймала безразличный взгляд кондукторши и с намеком заморгала ей. Сонная баба посмотрела на меня сначала с недоумением, потом с медленно растущим интересом.

Слезет она со своего постаменты или нет?!

Слезла! Тяжело ступая, кондукторша подошла ко мне.

– Добрый день, в вашем вагоне труп, – с ходу сообщила я. – По-моему, еще свеженький. Есть у вас какие-нибудь инструкции на этот счет? Что надо делать?

Баба молча протолкалась к покойнику, внимательно посмотрела сначала на него, потом на меня, кивнула и заорала:

– Граждане пассажиры! Трамвай неисправен, дальше не пойдет! Просьба покинуть вагон! Ворча и ругаясь, пассажиры сошли на остановке.

– А вы останьтесь, – строго сказала мне кондукторша. – Я пока сообщу, куда надо. Она удалилась по проходу в сторону кабины водителя.

– Она же не думает, что это мы его укололи? – забеспокоился Вадик.

– Думать будут другие, – ответила я, ныряя рукой в карман джинсов.

Какая я все-таки умница! Не зря прихватила с собой запасную кассету!

– Вадик, быстро замени кассету и сделай дубль! – Я торопливо сунула маленькую коробку в руку стажеру. – А отснятую дай мне и попробуй только проболтаться, что она существует!

– Понял, – сказал Вадик, ловко производя замену и приступая к работе.

Пожалуй, из парня все-таки получится оператор!

Я покосилась в сторону кондукторши – она стояла к нам спиной и ничего не видела. Вздохнув, я опустилась в пластмассовое кресло по другую сторону прохода и посмотрела в окошко. Позади нас медленно, но верно скапливались трамваи. На остановке толпились возмущенные пассажиры. Милиции пока не было видно, но я не сомневалась в том, что она скоро появится.

Вот интересно, где я могла видеть этого мужика? Личность убитого отчего-то казалась мне знакомой. Такие приметные уши, просто крылья летучей мыши... И эти рыжие волосы, и белозубый оскал...

И тут я подпрыгнула в твердом кресле, чувствительно ударившись задницей о гладкий пластик! Вспомнила! Та морда на утреннем газетном развороте! Клянусь, на нем был наш покойник!

А что это была за газета? Черт ее знает! Какое-то иллюстрированное бульварное издание, развлекательное «желтое» чтиво, которое покупают в дорогу. Названия я не видела, мне достался центральный разворот, даты выхода газеты я тоже не знаю – и не узнаю, разве что ворвусь в киоск «Роспечати» и переверну все подобные издания. Но где гарантия, что нужная газета не продана, скажем, неделю назад? Да и поезд, из вагона которого спланировала на меня бумажка, вышел вчера утром из Питера, может, это было какое-то местное издание?

Я обреченно вздохнула. Похоже, выход у меня один: сразу, как только разделаюсь с милицией, бежать на вокзал и потрошить давешнюю мусорную урну.

Простая мысль о том, что можно оставить все как есть и не лезть не в свое дело, почему-то вовсе не пришла мне в голову!

Кассету с видеозаписью милиционеры у нас, разумеется, конфисковали, распространяться о случившемся в эфире категорически не велели, но я к этому была готова. Едва вагон с опергруппой и трупом укатил и движение транспорта наладилось, мы с Вадиком отважно взяли на бордаж другой трамвай. Там никаких криминальных жмуриков не было, и Дмитрий Палыч получил-таки ожидаемый сюжет в вечерний выпуск.

Сдав шефу готовую работу, я ускользнула в гардеробную и залезла в самый дальний шкаф, забитый неликвидным барахлом, которое экономному Алексею Петровичу жаль было выбросить на помойку. Среди прочего хлама в куче тряпья нашлись совершенно новые, но дивно безобразные комбинезоны из веселенькой ткани ярко-красного цвета, фактурой напоминающей дерюжку. Не знаю, за какой надобностью эти одеяния вообще у нас завелись, не иначе все тот же Алексей Петрович на всякий пожарный подгреб какую-нибудь гуманитарную помощь. Я ни разу не видела никого в подобном наряде на просторах родной телекомпании! К комбинезонам – безразмерным, но снабженным массой застежек-липучек для подгонки их по фигуре, – прилагались еще оригинальные головные уборы из той же кумачовой рогожки: нечто вроде широкого матерчатого обруча с двумя козырьками. По моим прикидкам, носить их можно было, как минимум, двумя способами: ориентирував козырьками соответственно

на лоб и на затылок или же прикрыв этими крылышками уши. Я примерила чепец на второй манер и нашла, что здорово смахивает на спаниеля!

Затолкав один комплект обмундирования в специально принесенный пакет, я покинула гардеробную, прихватила из редакторской свою сумку и пошла на вокзал – грабить помойку на перроне.

Сначала я думала дождаться темноты, но побоялась, что могу опоздать. Вдруг мусорный бачок опорожняют раньше? Кроме того, вокзал – это стратегический объект, ребята из линейного отделения транспортной милиции постоянно несут там караул, и в потемках они будут особенно бдительны. Не хватало еще, чтобы меня задержали за таким странным занятием!

Первым делом я прошла на стоянку, заплатила по счету за парковку Иркиной машины, предупредила, что отъеду через пару минут, и оставила в салоне свою сумку. Потом через здание вокзала проследовала на перрон, оттуда прошла напрямик в дамский туалет и, уединившись в кабинке, натянула на себя прямо поверх джинсов и майки помятый красный комбинезон. На голову водрузила форменный чепчик, максимально затенив лицо козырьком. Сунула в карман освободившийся пакет, глянула на себя в зеркало и содрогнулась! Ну и видок! Эх, почему меня не видит Крис де Бург, спел бы мне в утешение свое знаменитое «Леди ин ред»!

Я мужественно поборола горячее желание вернуть себе нормальный облик и покинула место общественного пользования, проигнорировав сдавленный окрик служительницы, решительно не помнящей, чтобы такое чучело в красном входило в заведение, и, вероятно, желающей еще раз содрать с меня плату за пользование сортиром.

В процессе одевания манипуляции с липучками я опустила, поэтому комбинезон сидел на мне куда менее изящно, чем самое корявое седло на самой неграциозной корове. Да и измят он был дальше некуда, так что рядом с мусоркой я смотрелась вполне органично. Но нужный бачок я нашла только с третьей попытки, причем мне едва не помешали – не стражи порядка, как я боялась, а собратья-бомжи: две такие же бесформенные фигуры, одетые, правда, гораздо менее броско.

– Че ты тут делаешь, падла? – визгливо заорала невесть откуда взявшаяся потрепанная мадам в прозрачном пластиковом дождевике поверх ветхой ночной сорочки и с фингалом на пол-лица. – Серега, держи гадину!

– А ну, шука, вали отшедова! – поддержал свою леди щербатый босоногий джентльмен в брезентовых штанах на помочах из бельевого шнура, замахиваясь на меня сломанным зонтом. – Ща как дам по хребтине!

Я торопливо выхватила из благоухающей гнилыми фруктами емкости вожаемый газетный ком и поспешила ретироваться, спасая упомянутую хребтину от жестокой расправы. Очевидно, нарушителей конвенции здесь не жалуют!

– Ходят тут всякие, куска хлеба лишают, – продолжала верещать неотступно следующая за мной тетка.

Я прибавила шаг, потом почти побежала. Благо Иркина машина стояла метрах в пятидесяти, а в беге на короткие дистанции я могу посостязаться и с зайцем.

Быстро открыв дверцу, я швырнула газетный ком на заднее сиденье, плюхнулась на водительское место и отъехала со стоянки. Поотставшие бомжи остановились, отдуваясь.

– Ну ни фиги себе! – хлопнув себя по грязным брезентовым коленкам так, что в воздух взметнулись два клуба серой пыли, возмущенно воскликнул шепелявый Серега. – Да шо же она там такое выкапывает, ешли на швоей машине по помойкам еждит?

– Небось не пьющая, – с завистью сказала бомжиха и, посуровев, отвесила мелкорослому спутнику крепкий подзатыльник.

Я открыла дверь и сразу поняла, что в квартире без меня кто-то побывал: в помещении витал стойкий запах рыбы. Я обычно не использую в качестве ароматизатора воздуха сельдь иваси!

Оставив на тумбочке в прихожей сумку и пакет с газетой, я прошла в кухню и вздохнула: все ясно, приходил Колянов дядя, знатный рыболов-любитель, принес мне гостинец, чтобы я не оголодала в отсутствие мужа. И, смотрю, добрая душа, пытался подкормить не только меня!

В кошачьей миске на полу высилась заиндевшая голова гигантского толстолобика с остекленевшими красноватыми очами. Перед миской с таким же отмороженным видом сидел зеленоглазый кот, на морде которого явственно читалось глубочайшее замешательство. Рыбья голова своими размерами превышала кошачью почти вдвое и выглядела совершенно неприступной.

– Давно так сидишь? – поинтересовалась я, распахивая окно.

Кот неуверенно оперся передними лапами о монументальный череп толстолобика и опасно посмотрел сверху вниз.

– Переход Суворова через Альпы, – прокомментировала я.

Тоха издал протяжный негодующий крик и пошел в обход миски, неприязненно косясь на неприступную рыбью голову и нервно подергивая пушистым хвостом. Я присела рядом и успокаивающе погладила возмущенное животное.

Достав из-под мойки специальную кастрюлю, я перевалила в нее серебрящуюся, словно цельнометаллическую, голову, залила ее водой из-под крана и поставила на огонь. Тоха, все еще обиженно вякая, забрался на табурет, обвинил лапы хвостом, насупился и замер в ожидании ужина.

– Стереги, чтобы не убежала, – предупредила я, уходя в комнату.

Мне не терпелось развернуть газету и узнать, кем же был трамвайный покойник. Оказалось – только представьте себе! – он был мирным чудачком – ботаником!

Статья без начала и конца, оставшихся, увы, на других страницах (идиотский принцип верстки!), повествовала об успехах некоего ученого ботаника Владимира Усова в деле борьбы за экологическую чистоту кубанских водоемов. Оказывается, этот самый Владимир однажды зачем-то выплеснул в чан с мыльной жижей воду из аквариума, рыбки в котором еще до того благополучно сдохли. Очевидно, господин Усов был не большой аккуратист. Оставив помой в тазу, он отбыл в месячный отпуск, а когда вернулся, нашел в ржавой емкости не гнилое вонючее болото, как следовало ожидать, а чистейшую воду, покрытую толстым слоем мясистых зеленых листьев. Экзотическое растение эйхорния, не доеденное безвременно усопшими рыбками в аквариуме, не только радостно прижилось в мыльном болоте, но и расплодилось, и даже отфильтровало воду до ключевой чистоты!

Воодушевленный ботаник принялся вдохновенно экспериментировать, и его дальнейшие опыты подтвердили уникальные способности эйхорнии по части очищения грязных водоемов. Так, выгребная яма во дворе усовской дачи превратилась в прозрачное озерцо за неделю. Вонючий пруд, за много лет безнадежно загаженный стоками птицефабрики, очистился за два летних месяца настолько, что в нем теперь не только купаться можно, но даже и принимать воду из него внутрь без всякой предварительной обработки!

Владимир Усов уверил корреспондента газеты в том, что посадочного материала у него уже достаточно, чтобы за оставшиеся теплые месяцы – август и сентябрь – очистить еще пару городских водоемов. Причем с наступлением холодов чудодейственная эйхорния попросту вымрет, и всю зеленую массу можно будет выгрести на берег баграми и пустить на корм скоту. Кубанский скот еще, правда, не знал о грядущем изменении в своем рационе, но священные индийские коровы, по словам ботаника, трескали эйхорнию за милую душу.

Дочитав до этого места, я спохватилась, что еще не покормила своего собственного скота, тьфу, кота, и побежала на кухню. Как раз вовремя! Вода в кастрюле с рыбой закипела, вспени-

лась шапкой и едва не потекла на плиту. Встревоженный кот начал орать, я шикнула на него, доварила толстолобика, встряхнула его в раковину и, дождавшись, пока мертвая голова остынет, разобрала ее, отделив съедобное от несъедобного.

Кот азартно чавкал на полу, а я сидела над расправленной газетой, смотрела на портрет счастливого Владимира Усова, победно потрясающего перед камерой пучком мясистой зелени, и думала: кому мог помешать мирный ботаник? Может, в наших краях появилось какое-нибудь агрессивное антиэкологическое движение? Такой Гринпис наоборот?

Так ничего и не придумав, я аккуратно вырезала статью из газеты, искала, куда бы ее деть, и вспомнила про зеленый конверт, который всучила мне Галка-Осения. Я положила в него газетную вырезку и сунула конверт на полку между книгами.

Про кассету с видеозаписью я не забыла, просто не могла ее сейчас посмотреть. Съемка велась профессиональной цифровой видеокамерой, и обыкновенный бытовой видик для просмотра готового материала никак не годился.

– Ладно, приду завтра на работу пораньше и там посмотрю, – сказала я сама себе.

Потом наскоро прибрала на кухне и быстренько сбегала на помойку, чтобы без почестей захоронить в мусорном баке бранные останки толстолобика. Вернулась домой, сложила в небольшую дорожную сумку кое-какие личные вещи, сунула под мышку сонного наевшегося зверя, плотно закрыла окна, заперла дверь и поехала в Пионерский микрорайон – сторожить Иркины хоромы в компании кота Тохи и собаки Томки.

Бурная радость, выказанная овчаркой при моем появлении, была просто умирительна! Том скакал вокруг меня на задних лапах, как дошколенок вокруг новогодней елки – до полноты сходства ему не хватало разве что маски зайчика. Растроганная, я от души накормила пса говяжьей тушенкой из Иркиных стратегических запасов, побегала с ним по просторному двору за мячиком, устала как собака и так же, как сам Томка, вывалив язык, вползла на высокое крыльцо: отсиживаться и отдыхать.

Постепенно стемнело, в черном небе, не засвеченном городскими огнями, дрожа, засияли крупные августовские звезды. Я вынесла на крыльцо блюдо с обнаруженной в холодильнике жареной курицей, водрузила его себе на колени и, мечтательно поглядывая на бархатное небо с просверками падающих звезд, неспешно обкусывала куриную ногу. По правую руку от меня устроился пес, по левую кот. Я то и дело поочередно выдавала им порции мяса, которое звери уплетали быстро, но благовоспитанно. В общем, мы проводили время с толком и с большой приятностью.

Идиллию нарушил телефонный звонок.

– Да? – произнесла я, рассеянно поднеся к уху полуобглоданную куриную конечность.

Том укоризненно гавкнул.

– Ах, да, – я отложила курицу, вытерла жирные руки о мохнатую собачью спину и отстегнула с пояса мобильник. – Алло?

– Кыся, привет! – сказала трубка голосом любимого мужа. – Ты почему дома не ночуешь? Я звоню, звоню – а там никого!

– Правильно, мы с Тохой поселились у Ирки, – объяснила я. – Они с Моржиком укатили в Сочи, а я тут буду за сторожа. Скучно, зато еды навалом! Можно ничего не готовить!

– Лентяйка, – добродушно попенял супруг. – Небось сидишь там, плюшками балуешься?

– Курицей, – поправила я. – Тут у меня чудесная жареная курица...

На секунду замолчав, я прислушалась: за моей спиной раздавалось торопливое чавканье на два голоса. Я оглянулась: кот и пес, презрев расовую вражду, дружно склонились над блюдом и наперегонки лопали жареную птицу. От их хороших манер не осталось и следа!

– То есть у меня была курица, – поправила я.

– Слушай, курица, – ласково сказал Колян. – Ты почту когда-нибудь проверяешь?

– Вчера только заглядывала в ящик, ничего там нет, кроме рекламных проспектов!

– Электронную почту!

– А-а, – виновато протянула я. – Совсем забыла. Ты же знаешь, не люблю я этот способ коммуникации. А что там у нас, в почте?

– Это ты мне завтра скажешь. Я позвоню вечером. У тебя все в порядке?

Рассказать ему про жмурика или не надо? Пожалуй, не буду.

– Все спокойненько, как на кладбище!

ТЬфу, чуть не проболталась!

– Тогда пока! – Муж не заметил сомнительной фразы. – Мы с Масянькой в порядке, целуем, скучаем, привет животным!

Я выключила телефон, отложила трубку в сторону и с укором обернулась к зверям:

– Сожрали птичку, троглодиты? Совести у вас нет!

Том протяжно вздохнул и сунул голову мне под мышку. Кот помял лапами мое колено и свернулся на нем уютным калачиком.

– В пионерском лагере «Солнышко» объявляется отбой, – вполголоса сказала я.

Действительно, имело смысл лечь спать пораньше: день был довольно напряженный, а на завтра я хотела явиться на работу до прихода коллег, чтобы без помех просмотреть припрятанную кассету.

Ночью мне не спалось, мучили кошмары. Главным образом мне снился трамвайный жмурик, очень пугающего вида – весь в зеленой тине и с четками из гагатовых скарабеев в повишем кулаке. Страшно шамкая бескровным ртом, он грозился дать мне по хребтине, а потом открыл глаза – и оказалось, что зрачки у него треугольные.

– Апокалипсис! – загробным голосом взревел усопший.

Вопль сделался невнятным и пронзительным, разделился на два голоса и превратился в визг.

Я села в постели, попыталась спустить ноги на пол, не смогла, слепо поползла в темноту в поисках края безразмерного ложа и благополучно свалилась с него головой вниз. Сверху на меня накатило что-то продолговатое, одновременно и мягкое, и увесистое, и ударило-таки по хребтине! Я вскрикнула, отбросила предмет в сторону, вскочила и снова растянулась на полу, беспомощно суча ногами, спеленутыми сбившейся простыней на манер мумии. Совершенно случайно зацепила рукой вычурный светильник на высокой ножке, сенсор сработал, и в спальне мгновенно разлился мягкий розоватый свет.

Тяжело дыша, огляделась, соображая, где я и кто я. Рядом со мной гигантским постаментом высилась кровать, поодаль на ковре вытянулась подушка-валик, вполне сопоставимая по размерам с моим трепещущим от пережитого ужаса телом. Надо полагать, это она со мной дралась...

Под потолком еще носились отголоски пугающего вопля. Но, прошу заметить, я не орала! Тогда кто?

– Спокойствие, только спокойствие! – дрожащим голосом сказала я себе.

И тут снова раздался пронзительный крик, от которого волосы встали дыбом по всему телу!

Выпутавшись из простыни, я обежала суперкровать в поисках тапок, не нашла их, плюнула с досады и босиком помчалась на звук, часто шлепая по стенам ладонями в поисках выключателя.

Источник звука обнаружился в саду за окном. Там в зарослях мяты изваяниями застыли два кота, один незнакомый черный, другой белый – мой Тоха. Вылез, зараза, в какую-то из бесчисленных форточек! Отвернув головы в стороны и не глядя друг на друга, звери периоди-

чески начинали орать слаженным дуэтом, в развитие музыкальной темы переходя от басов к сопрано и дальше в ультразвук.

Оценив ситуацию, я прошлепала на веранду, там сунула ноги в первые попавшиеся онучи и вышла в росистый сад. В вольере сбоку от дома заворочался разбуженный пес.

– Тоха, иди сюда! – строго позвала я, тем самым невольно форсировав события: с громкими боевыми кличами на устах коты бросились в руко... нет, в лапопашную.

Черно-белый клубок, идеально повторяющий эмблему янь-инь, катался в мятных джунглях, безжалостно сминая растения и фонтанируя клочьями разноцветного пуха.

– Пр-рекратите безобр-разие! – гневно рывкнула я, коршуном падая сверху.

Клубок распался. Черный кот канул во тьму, а Тоху я ухватила за задние лапы, получив пару раз по физиономии дергающимся хвостом. В вольере с претензией взлаял Том, явно недовольный тем, что веселье разворачивается без его участия. Пленный Тоха рычал, как тигр.

– Всем молчать! – велела я, волоча упирающегося кота за антиблошиный ошейник.

Затащила его в дом, на веранде сунула в плетеную корзину с какими-то луковичками, чтобы не вылез, придавила крышку перевернутой табуреткой и пошла искать форточку, через которую зверюга выбрался наружу. Нашла, закрыла, выпустила пленника на свободу, погасила всюду свет, забралась в кровать, уронила голову на подушку и заснула как убитая.

И приснился мне убиенный Владимир Усов, совсем как живой: демонически хохоча, он швырял в меня из окна движущегося трамвая бумажные комья. Один комок попал мне в лицо, сам собой развернулся и оказался большим зеленым конвертом.

– Проверь почту! – повелел гулкий голос с небес, а потом снова раздался пугающий вопль.

Я подпрыгнула в постели, сбросив на пол устроившегося под боком кота. Тоха возмущенно мявкнул и заткнулся. Нечеловеческий вопль продолжался: звенел многофункциональный телефон «Русь», в режиме будильника заведенный мной на половину седьмого утра. Успокоившись, я перевела дух, стерла испарину со лба, похвалила себя за выдержку и хладнокровие, и тут проклятый телефон тематически заиграл бородинское «Славься!».

Пришлось вылезать из постели и выдергивать патриотично настроенный аппарат из розетки. Наконец-то стало тихо, я уснула, проспала урочный час и закономерно опоздала на работу.

По дороге в телестудию я рассуждала следующим образом: очевидно, ботаника Усова убили незадолго до нашего появления. Не раньше, чем за одну остановку: как раз перед этим трамвайные пути делали такой крутой поворот, что даже вполне живые граждане цеплялись за кресла, чтобы не упасть. Если бы Усова перевели в разряд жмуриков раньше, на тряском повороте он не удержался бы в пластмассовой мыльнице трамвайного кресла. Далее. Я, конечно, не специалист, но полагаю, что покойники не имеют обыкновения потеть, а ведь затылок Усова был покрыт мелкими капельками. Причем в вагоне гулял сквозняк, стало быть, пот должен был быстро высохнуть.

Получалось, что Усова убили на перегоне между остановками «Вещевой рынок» и «Стадион «Кубань». На рынке из трамвая наверняка вывалила целая толпа потенциальных покупателей, в общей суете убийца мог действовать с большим удобством. А вот у стадиона в дни, когда нет футбольных матчей, мало кто выходит и садится, значит, покинуть вагон можно без помех. Совсем рядом абсолютно пустой подземный переход, скрывайся – не хочу...

Короче говоря, я надеялась, что камера успела запечатлеть убийцу. Действительно, в кадр попали два мужика и одна хрупкая девушка, сошедшие на остановке через заднюю дверь, а потом в ту же дверь лихо запрыгнула я сама. Причем из всех заснятых на пленку граждан самое решительное и даже угрожающее выражение лица было именно у меня! Потом вагон тронулся, и Вадик пошел по проходу, снимая сидящих пассажиров.

Я перемотала кассету к началу и буквально покадрово рассмотрела запись, запечатлевшую людей, которые вышли из вагона на остановке «Стадион «Кубань». Это ничего не дало, потому что из тех троих никто не крался к выходу со зловещим выражением на морде, никто не озирался по сторонам и не вытирал о подол окровавленные руки, так что опознать убийцу, если он там и был, мне не удалось.

Я вздохнула и тут же услышала громкий вздох позади себя. Это еще кто?! Время – без четверти девять утра, в телекомпании, кроме меня и охранника, никого не должно быть!

Я обернулась: никого! По спине пробежал холодок. Может, это призрак убиенного Усова пришел помочь мне разобраться в криминальной ситуации? Так и помог бы, чего вздыхать попусту!

– Чур меня, – пробормотала я, поворачиваясь к экрану.

Позади раздался долгий протяжный скрип. Я не выдержала, выбралась из кресла, обозрела помещение редакторской с высоты своего роста и успокоилась: на диване в плохо освещенном углу комнаты, завернувшись в некомплектную штору, мирно спал Семен. До сих пор он не шевелился и в полумраке был принят мной за кучу тряпок.

Я приглушила звук телевизора, чтобы не мешать человеку спать. Ему всего-то осталось подремать с четверть часа, скоро здесь будет полно народу и начнется обычный бедлам. Вот бедняга! Он явно опять дежурил в ночь, вторые сутки на работе, надо же такое выдержать!

Впрочем, дома Семену приходится гораздо тяжелее. У него жуткая теща, просто кошмар ночной, а не женщина! Мужественный Сема не жалуется, но совершенно случайно я в курсе его семейной драмы. Дело в том, что Семена угораздило жениться на младшей сестре мужа моей старой приятельницы Тани Болотниковой. Таким образом, его тещей стала Танькина свекровь, а уж рассказов о ней-то я в свое время наслушалась!

Виолетта Михайловна – настоящий монстр в образе человеческом. Она беспрестанно изводит окружающих, требуя к себе повышенной заботы и внимания, хотя у нее лошадиное здоровье, позволяющее шестидесятилетней бабе затевать многочасовые словесные баталии и неизменно выходить из них победительницей. Виолетта Михайловна с кровожадной радостью доводит до скандала любую житейскую ситуацию. Скажем, на любезное предложение детей поужинать вместе с ними вздорная баба язвительно отвечает, что на ночь глядя нажираются только свиньи, а картошка с мясом страшно вредна, в особенности людям, которые, как ее бестолковый сын, со дня на день обзаведутся язвой желудка, чего бессовестная невестка не учитывает либо по природной своей глупости, либо в надежде поскорее овдоветь. Дрянь, паскуда голозадая, не иначе на наследство зарится!

При этом противная тетка непрестанно упрекает окружающих в душевной черствости и ставит им в пример плаксивых и слюнявых персонажей мексиканских сериалов. А поскольку смотреть полезные и назидательные латиноамериканские «мыльники» молодое поколение категорически не желает, предпочитая им динамичные голливудские фильмы, коварная Виолетта Михайловна имеет обыкновение врывать в комнату детей в неурочное время и без проволоочки врубать телевизор, как раз выдающий в эфир ночную порцию «мыла». А молодые супруги в этот поздний час либо мирно спят, либо наслаждаются тесным общением друг с другом! Право, есть от чего стать импотентом и мизантропом!

В общем, неизменная готовность Семена торчать на работе днями, ночами и сутками меня лично нисколько не удивляет. У нас тут, конечно, довольно беспокойно, но дома у бедняги просто бесконечный, как «Санта-Барбара», кошмарный ужастик!

Сочувственно вздохнув, я отвернулась от спящего и сосредоточилась на просмотре.

Вот что, значит, мой стажер называет «крупным планом»! На весь экран расплылся топорщащийся рыжей щетиной потный затылок, потом фокус вовсе пропал и нашелся уже на уровне кармана с торчащей из него рукояткой орудия убийства. Камера нервно вздрогнула, помешкала и рывками поехала вниз, являя взору невнятные картины, а именно: кусок кост-

левого запястья с массивным браслетом и дорогим хронометром; колено, обтянутое брючной тканью крупного плетения; полоску бледной волосатой кожи в просвете между вздернувшейся штаниной и коротким бежевым носком; наконец, стопы в летних штиблетах с прорезями.

Ну-ка, ну-ка, а это что такое? Я остановила картинку и пригляделась. Носки на ногах покойника производили впечатление двухцветных: светлый верх, более темный низ. Никогда не видела мужские носки подобной расцветки! От резинки до щиколотки – песочного цвета, а ниже – тоже цвета песка, но не сухого, а мокрого!

Ой! А ведь он, похоже, просто промочил ноги!

Я задумалась. День вчера был жаркий, дождей в городе не случалось уже больше недели, обычная августовская погода. От луж на дорогах не осталось и следа, водосточные канавы сухи, как горло похмельного алкаша, – так где же уснувший бродил перед смертью?

– Леночка! Спасай! – На стул рядом со мной неожиданно рухнул взъерошенный Дмитрий Палыч.

Я поспешно нажала кнопку «стоп», убирая с экрана изображение.

– В вечерний выпуск нужен спецрепортаж! – сообщил шеф.

– Очень нужен? – все еще думая о мокроногом покойнике, поинтересовалась я.

– Позарез!

Я вздрогнула. С подозрением покосилась на шефа, вынула из видика кассету и спрятала ее в карман.

– Я тебе Андрюшу в операторы дам, – заискивающе сказал начальник. – И машина свободна...

– Машина – это хорошо, – согласилась я. – А Андрюшу не надо, пусть с Наташей работает. Я возьму Вадика.

Оператор он, конечно, аховый, закончила я про себя, но зачем посвящать в криминальную историю лишних людей! Куда ехать за спецрепортажем, я сообразила сразу: конечно, на очищенный усовской эйхорнией пруд птицефабрики!

Впрочем, этот пруд мне пришлось еще поискать. Я-то наивно полагала, что птицефабрика в окрестностях города одна-единственная, а оказалось, что их аж четыре. Что и говорить, кубанцы уважают нежное куриное мясо и питательные яйца!

Последовательно объезжать все места обитания несушек и бройлеров мне не хотелось. Вспомнив, что эйхорния – растение экзотическое, в природных условиях произрастающее в Индии, я сообразила, кто бы мог помочь мне в поисках места ее дислокации.

Оставив Вадика нетерпеливо дожидаться моего возвращения, я спустилась по лестнице на первый этаж, в редакцию газеты «Живем!» и прошла напрямик к верстальщикам.

За «Макинтошем» в углу просторной комнаты виднелась коротко стриженная, почти бритая белобрысая макушка.

– Петька там? – указав на этот блондинистый скальп, спросила я ближайшего работника мыши и клавиатуры.

– Пирепон-то? Там, куда ему деться!

Я удовлетворенно кивнула и проследовала в нужный угол.

– Петя, привет! – сказала я белобрысому юноше за «Макинтошем», без приглашения плюхаясь на свободный стул. – Ответишь мне на один вопрос?

Не снимая рук с клавиатуры, Петя посмотрел на меня большими голубыми глазами ласковой сиротки и кивнул.

Вот, всегда-то он такой молчаливый и благостный! И, что удивительно, при этом именно Петя Пирепон регулярно становится причиной самых жарких редакционных скандалов!

Дело в том, что душка и обаяшка Петя Суслачев придерживается нетрадиционных для нашего региона религиозных воззрений. Петя убежденный кришнаит. Внешне это выражается

в том, что Петюша носит на шее деревянные бусики, волосы стрижет «под машинку», оставляя тоненькую, как крысиный хвостик, косичку на затылке, и никогда, повторяю – никогда! – не теряет благодушного настроения. Кажется, кришнаиты все такие миляги и душки, неизменно улыбочные и всем довольные. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у меня после посещения какого-то развеселого кришнаитского праздника в краевой филармонии. Мужчины там щеголяли в свободных одеяниях прелестных абрикосовых тонов, женщины – в потрясающих ярких сари, все приветливо улыбались и друг другу, и посторонним, пели мелодичные песни, усердно били в бубны и угощали гостей праздника восточными сладостями. Даже всем с собой на выходе давали крошечные пакетики с пирожными, похожими на знакомую нам «картошку». В общем, лично мне они очень по душе.

Однако главный редактор газеты «Живем!» относится к кришнаитскому благодушию совершенно иначе. По его мнению, в наших широтах оно катастрофическим образом ложится на почву отечественного «пофигизма». А скомпрометировал всех кришнаитов оптом в глазах уважаемого редактора все тот же Петя. Пребывая в уверенности, что все к лучшему в этом лучшем из миров, он то и дело допускает редкостные по глупости опечатки в статьях и заголовках, которые ему поручается набрать и сверстать.

Помню Петиных рук дело – дивной прелести подзаголовок к одной из новостных статей: «Старушки получают пенисии!» Не пенсии, а именно пенисии! Петя допустил очаровательную опечатку, корректор Витя Трофимов ее проворонил, и газета так и вышла в свет. Право, я ожидала, что наутро под дверью редакции соберутся игриво настроенные бабушки, пришедшие истребовать обещанное! А главный редактор, отплевавшись кипятком, демонстративно прикнутил на редакционную доску объявлений вырезку со злосчастным заголовком «Старушки получают пенисии!», снабдив ее собственноручной припиской: «Которые будут отрезаны непосредственно у Суслачева и Трофимова в случае повторения подобного безобразия!»

Был еще случай, косвенно затронувший и нашу телекомпанию: Петя сверстал программу телепередач на февраль и напрочь позабыл, что в нем только двадцать восемь дней. Дотянул программу аж до тридцатого февраля! А когда сразу два главных редактора – газетный Сан Саныч и наш Дмитрий Палыч – примчались снимать с олуха стружку, Петя поднял на них лазоревые глазки и с подкупающим простодушием спросил: «А что, должно было быть и тридцать первое?» После чего онемевшие главные рука об руку удалились глотать антистрессовый коньяк.

Что до прозвища Пирепон, то его славный парнишка Петя Суслачев получил после того, как набрал и даже сверстал маленькую заметочку, в которой рассказывалось об эксперименте в одном из европейских зоопарков. В ней была, в частности, такая фраза: «В одной клетке живут утка, шимпанзе и трехлетний пирепон». Вся редакция гадала, кто такой этот пирепон, даже к нам в телекомпанию бегали за советом. Предполагали разное: пирепон – это питон, пирепон – это кто-то перепончатый, а в итоге выяснилось, что Петюша банально не разобрал почерк журналистки, от руки набросавшей заметочку, и ничтоже сумняшеся окрестил пирепоном неразгаданного им тигренка.

– Петенька, – улыбаясь своим воспоминаниям, сказала я. – Скажи мне как кришнаит кришнаиту, где в окрестностях нашего города может произрастать экзотическое индийское растение?

– Ты не знаешь? – тихо удивился Пирепон. – Рядом с трассой Екатеринодар – Темрюк есть пруд, где растут индийские лотосы. Уникальное место, другого такого в России нет!

– Лотосы – это хорошо, – кивнула я, довольная тем, что не ошиблась адресом, нашла сведущего человека. – Лотосы – это просто замечательно. Но! Не лотосом единым жив кришнаит! Меня сейчас интересует эйхорния!

– Старушки получают пенисии! – неправильно истолковав мои слова, глумливо захохотал верстальщик за соседним компом.

– Слушайте, граждане, обуздывайте свое воображение! – возмутилась я. – Я понимаю, слово «эйхорния» для слуха русского человека звучит неприлично, но не до такой же степени!

– Эйхорния, эйхорния, – как ни в чем не бывало забормотал Пирепон. – Та, которая очищает воды священного Ганга?

– В том числе и их, – кивнула я. – А по осени ее скармливают священным индийским коровам.

– Так это возле НИИ птицеводства, – кивнул Петя. – На выезде из города, километрах в десяти по ростовской трассе. Я слышал об этой эйхорнии от наших, но сам еще не видел, хотя надо бы, конечно, съездить на экскурсию...

– Спасибо тебе, Пирепончик! – поблагодарила я, вставая. – Я рада, что в тебе не ошиблась.

Продолжая мило улыбаться, Петя смущенно потупил голубые глазки.

Итак, искомая птицефабрика на самом деле оказалась никакой не фабрикой, бери выше – настоящим Институтом птицеводства. Правда, у них там был опытный цех, и пруд тоже имелся – симпатичное такое озерцо, густо заросшее мясистыми зелеными листьями.

– Эйхорния! – победно воскликнула я, разглядев экзотического вида растительность в окошко автомобиля.

– Чего ругаешься? – характерно отреагировал на незнакомое слово Вадик, обернувшись ко мне с переднего сиденья.

– Саша, останови, пожалуйста, машину! – не ответив стажеру, попросила я водителя.

Вокруг простиралась абсолютно безлюдная местность: ни тебе гуляющих, ни рыбаков с удочками... Впрочем, откуда они тут возьмутся, одернула я себя, степь да степь кругом, до города километров десять, общественный транспорт сюда не ходит, сотрудники НИИ, наверное, приезжают на работу на личных авто. Да еще у них небось тут есть вахтенный автобус...

– Хорошая водичка, – сообщил Вадик, пробившийся к пруду через камышовые заросли. – Просто удивительно! Такая чистая! Лучше, чем в бассейне! Может, искупаемся?

– Не сейчас, – ответила я, оглядываясь. – Не время. Первым делом, первым делом – самолеты, в смысле, птички.

Стажер безропотно повернул назад.

– Вадик, возьми камеру и пройди во-он туда, – я показала на недалекий бетонный забор. – Начни снимать этот курятник, а я подойду через минуту. Саша, подвези его!

Машина с оператором скрылась за поворотом, я посмотрела на часы – минут через пять слух о нашем прибытии достигнет ушей местного начальства, придется демонстрировать служебные удостоверения и убеждать руководство НИИ в социальной необходимости съемок. Так, пока суд да дело, быстренько сориентируемся...

Я рысцой пробежалась вокруг пруда, внимательно осматривая подступы к воде – и впрямь чистой, даже прозрачной. По поверхности вблизи берега прошла легкая рябь, я вгляделась в хрустальные глубины и увидела стайку каких-то маленьких серебристых рыбешек. Интересно, что это за живность? Венечка как-то рассказывал мне, что в водах так называемой Теплой Кубани – то есть в старом русле реки, куда сливает горячую воду городская ТЭЦ, живут и размножаются аквариумные рыбки. Вроде кто-то как-то их туда запустил, а рыбкам и понравилось. Венька на полном серьезе уверял меня, что, вооружившись удочкой, за пару дней рыбной ловли на Теплой Кубани начинающий аквариумист может совершенно бесплатно собрать себе неплохую коллекцию. Так, может быть, и вблизи экзотической эйхорнии поселились какие-нибудь редкие виды жаберных – или как там по-научному называют рыб? Не знаю, я не ихтиолог. В нашем доме в рыбе кое-что понимает только кот, да и тот специалист исключительно по всяческой мелочи, вот обычный толстолобик чуть крупнее бультерьера уже не в его компетенции...

В укромном месте под навесом ивовых ветвей обнаружился удобный спуск к воде – лишенный растительности глинистый участок примерно двухметровой ширины. В верхней его части сохранился отпечаток автомобильного протектора, здесь явно недавно стояла какая-то машина. Судя по размеру колес, машина была легковая, а больше ничего сказать не могу, следопыт из меня такой же, как ихтиолог, – неважный. К воде прибывшие на авто граждане, судя по отпечаткам обутых ног, топали пешком, но, опять же, сколько их было, этих самых ног и владеющих ими граждан, – один бог знает. А по траве, кажется, что-то тащили, вон как она примята, кое-где даже выворочена с корнем!

Я наклонилась, присматриваясь, и тут увидела в слегка подсохшей глинистой ямке совершенно удивительный след, больше всего напоминающий смазанный отпечаток небольшого лапа!

Может быть, это какой-то подросток плавал в пруду с соответствующим снаряжением?

– Наверное, так, – вслух решила я. – Потому что иначе остается предположить существование в наших широтах собственного лох-несского чудовища! Для комплекта к эйхорнии, экзотика к экзотике!

Тряхнув головой, я бодро зашагала к бетонному забору, огораживающему территорию НИИ, но не успела подойти к гостеприимно открытым воротам, как увидела выезжающую из-за поворота машину. Вадик приветственно помахал мне ручкой в окошко.

– У них тут сегодня выходной, – сообщил он, подкатив поближе. – Начальства никого нет, и вообще из людей всего одна птичница на весь коровник...

– А сами-то коровы, то есть куры, здесь? Или у них тоже выходной? – спросила я, придержав дверцу, чтобы оператору с камерой было удобнее вылезать. – Надеюсь, хотя бы птичек ты мне снял?

– Вот так ты их называешь? Птичек? – как-то неуверенно повторил Вадик. – Птичек-то я снял... Но...

– Ну и хорошо, – оборвала я. – Мне-то нужен в основном пруд, так что ты походи тут с камерой, поснимай, да еще, если сможешь, сорви для меня пучок вот той зеленой бяки. Только свежий пучок, красивый, как рыночный укропчик. Он мне нужен в качестве букета.

Вадик вытянул шею и с сомнением посмотрел на обширную плантацию эйхорнии:

– Придется ноги замочить!

– Ну и замочи, – сказала я и осеклась.

Мокрым носкам трамвайного жмурика, похоже, нашлось объяснение!

Пока Вадик с треском ворочался в камышах, как то самое лох-несское чудовище, а водитель Саша привычно дремал в откиннутом кресле, я сидела на берегу, неотрывно глядя на озерную гладь и усердно размышляя. Итак, как это могло быть? Владимир Усов мог приехать к озеру, чтобы полюбоваться на свою драгоценную эйхорнию. Или, может, ее удобрить пора было, нитрофосом каким-нибудь полить, прополоть или там окучить... Неважно, в общем, приехал он к озеру...

Стоп, а на чем он к нему приехал? Не на трамвае же?

Я закусила губу. Ладно, решение транспортной проблемы пока отложим. Итак, приехал он на чем-то к озеру, пошел проведать ненаглядную эйхорнию, промочил ноги... И что дальше? Возможно, увидел что-то такое, чего видеть был не должен.

Ага, лох-несское чудовище он увидел! Вылезло оно из воды на солнышке погреться, глядь – а тут Усов! Огорчилась Несси, что ее расконспирировали, и давай преследовать ботаника! Догнала его уже в городе, в трамвае, заточкой саданула – вот чушь так чушь!

Нет, увидел он, наверное, ту самую машину под ивами, след от которой нашла я. И что? И ничего, встреча прошла в теплой дружественной обстановке. Возможно, его даже в город подбросили на той же машине, ведь мокрые носки ботаника даже просохнуть не успели. А потом, уже в черте города, Усов сел в трамвай, и тут же за ним пошел убийца...

– Это тебе сгодится? – мне на колени шмякнулся мокрый зеленый куст. – Не то что на букет, даже на венок хватит!

Я подпрыгнула:

– Вадик, ты с ума сошел?!

– Мало? – на полном серьезе спросил стажер.

Я внимательно посмотрела на него:

– Средних размеров корове хватило бы на комплексный обед!

– Есть хочется, – неожиданно подал голос водитель Саша. – Долго вы еще? У меня по режиму обед через полчаса!

– Обед у него! – хором возмутились мы с Вадиком.

– Да, обед! – с претензией заявил обычно кроткий Саша. – А что? Коровам, значит, можно обедать, а водителю нельзя? Водитель, значит, хуже последней скотины?

– Вот завелся! Сейчас поедем, – примирительно сказала я. – Скажу пару слов в кадре, и можно будет стартовать. Сюжет, считай, у нас есть. А этот эйхорниевый кочан я Пирепону презентую, ему приятно будет...

Сказано – сделано: вернувшись со съемки, я первым делом забежала в редакцию «Живем!» и торжественно вручила мило зардевшемуся Пете свежесорванный эйхорниевый букет.

– А куда бы мне его поставить? – задумался Пирепон. – У меня тут нет никакой посуды, кроме кофейной чашки!

Я поискала глазами и сдернула с подоконника литровую банку с мутно-коричневой жижей:

– А это что такое?

Пирепон потупился.

– А это Петька ленится чашку свою мыть, – обернувшись ко мне, с готовностью наябедничал второй верстальщик. – Он чай или кофе попьет, грязную чашку кипятком из чайника сполоснет, а помой в эту банку и выльет. И так шесть раз за день!

– То, что надо! – не обращая внимания на смущение Пирепона, я затолкала в банку с грязной водой эйхорниевый кочан и водрузила «икебану» обратно на подоконник.

– А куда же теперь Пирепон помой сливать будет? – не унимался Петин коллега.

– А он еще одну банку заведет, – не задержалась я с ответом. – И станет потом переставлять букет из емкости в емкость, так что у него всегда будут в наличии и помой, и чистая водичка!

Жутко довольная собой, я вернулась в редакторскую, быстренько попила контрафактного – выключенного у Славика – кофейку и побежала в аппаратную смотреть, что мы с Вадиком привезли со съемки. Дисциплинированный оператор успел уже загнать изображение с цифровой кассеты в компьютер, так что мне оставалось только пару раз щелкнуть мышкой. Прodelав все необходимые для запуска записи манипуляции, я плюхнулась в мягкое кресло и приготовилась смотреть.

Сначала на экране появилось изображение добродушного толстого доктора в белом халате. Отвисшие щеки придавали эскулапу сходство с сенбернаром. Очевидно, поэтому хотелось услышать от него что-нибудь по ветеринарной части, но симпатяга доктор желал лечить отнюдь не собачек. С большой гордостью он сообщил, что медицинским центром «Прокто-лайф» освоена новая, суперсовременная методика лечения геморроя. Приобретенный клиникой аппарат с непроизносимым названием позволяет пациенту воочию увидеть на экране то, что раньше было доступно только оку проктолога! Доктор явно не сомневался в том, что его пациенты просто изнывают от желания полюбоваться донимающей их болячкой.

Я ухмыльнулась: очевидно, загоняя отснятый материал в компьютер, стажер немного промахнулся и зацепил предыдущую съемку. Слава богу, это не я записывала интервью в клинике «Проктолайф»! Мне трудно было бы удержаться и не предложить сенбернаристу доктору в развитие темы одаривать пациентов цветными фотографиями родного геморроя. В нарядных рамках и с трогательной надписью: «Всегда с тобой!»

Душка-проктолог с экрана пропал, появилось красочное изображение неаппетитного плаката «Геморрой – враг твой!», потом вдруг возникло чье-то пугающе крупное око. Круглый глаз моргнул, камера дернулась и поехала вниз по крутой дуге, сопровождая изогнутый грязно-розовый шланг. Кишки мне показывают, что ли?! Двенадцать секунд – по таймеру – я пялилась на экран, пока до меня не дошло, что геморроидальная тема уже закрыта, и этот шланг – на самом деле никакая не кишка, а длинная тонкая шея...

– Вадик! – заорала я, не отрывая глаз от экрана.

И породила своим воплем цепную реакцию микрокатастроф: водитель Саша, со вкусом обедающий за большим столом в углу просторной комнаты, испуганно вздрогнул, выронил бутерброд и недовольно заворчал. Сандвич закономерно шмякнулся маслом вниз – прямо на колени сидящему рядом с Сашей Макс. Возмущенно вскрикнув, Макс быстрым движением смахнул бутерброд со своей штанины, и он метательным диском пронесся через все помещение в направлении двери, в проеме которой как раз возник испуганный моим криком стажер. Продемонстрировав великолепную реакцию, Вадик ловко отбил подачу кулаком, и несчастный бутерброд взмыл к потолку, уже в воздухе разваливаясь на куски. Обломки посыпались на головы присутствующим. Увесистый шмат маслянистой каши с сочным звуком ляпнулся на ладонь застывшему Саше.

– Возвращение блудного бутерброда, – очнувшись, ехидно прокомментировал Макс.

– Е-твое! – с чувством произнес Саша.

Тихо – из уважения ко мне – ругаясь, мужики спешно обирали с себя жирные крошки.

– Вадик, это кто?! – не обращая внимания на общую суету, я неверяще смотрела на экран.

– Это? – смахнув на пол комочек хлебного мякиша, стажер присел на диванчик рядом со мной. – Птички.

– Вижу, что не комарики, – нетерпеливо отбрила я. – Где ты это снял?!

– Да в том самом коровнике. То есть в курятнике...

– В страусятнике! – взвизгнула я, замороженно созерцая сцены на экране. – Вадька, это же страусы!

– А я так и подумал, – удовлетворенно сказал стажер, хлопнув себя по коленке. – Сомневался, правда, ты же сказала, что там куры... Да еще эта тетка, коровница, то есть курятница...

– Страусятница, – автоматически поправила я.

– Страусятница, – согласился Вадик. – Она сказала, что их к нам из Швеции завезли. В Швеции страусы разве водятся? По-моему, нет... Зато девки у них, судя по порнухе, как на подбор – здоровенные, голенастые, как те самые страусы. Я и подумал – может, это действительно куры, только такие особые, чистопородные шведские бройлеры. Большие и ногастые.

– Вадик, – озаренная новой мыслью, я порывисто обернулась к стажеру и схватила его за руку, замаслив себе ладонь. – А какие у них ноги?

– У девок? – переспросил Вадик.

Парни за столом у окна прекратили ругаться и наострили уши.

– Нет, у страусов! – уточнила я.

– Слушай, я не знаю, – занервничал Вадик, смущенный общим повышенным вниманием. – Что ты имеешь в виду? Ноги как ноги... Ну, длинные... Ну, голые... Какие еще? Серые...

– Да хоть фиолетовые в клеточку! Ты скажи, на ногах, на ногах у них что? Ласты?!

– Нет, черевички! – рявкнул Вадик, окончательно выведенный из терпения. – Ты спятила, что ли, какие ласты! Им вообще никакая обувь не положена! Коровница сказала, они даже зимой по снегу босиком бегали!

Я с искренним интересом разглядывала картинку на экране. В интерьере стандартного отечественного птичника с кормушками и поилками экзотические страусы смотрелись несколько неестественно. Вдобавок, усугубляя сходство с гигантскими игрушками, на шее у каждой птицы, как ценник, болтался квадратный картонный ярлычок с именем. «Буш» – прочитала я на табличке ближайшей к объективу камеры птички и хмыкнула: таких «ножек Буша» одной на десять порций хватило бы!

– Вот только мало их, – с сожалением заметила я.

– Всего было тридцать штук, но половина уже сдохла, – со знанием дела сообщил Вадик. – Страусоводы не знают, то ли корма им наши не подошли, то ли климат...

– Еще бы, босиком по снегу! – поддержала я.

Отпечаток незнамо чьего лапа на глинистом берегу пруда не давал мне покоя, так что в конце концов я не выдержала и прямо с работы позвонила Венечке Петрову.

Венечка – мой давний приятель и большой любитель всяческой живности. Начинать он как аквариумист, но декоративными рыбками не ограничился, постепенно обзаведясь довольно приличной коллекцией совершенно неаквариумных жаберных, включая пару двухметровых осетров, каких-то редких лягушек, ящериц и даже удавчика. Потом невесть откуда к этому бестолковому зверинцу прибудились хромой енот, мартышка и плешистый ослик, и, когда Венечкина двухкомнатная квартира стала походить на Ноев ковчег, он ее продал, купил земельный участок и начал строительство «Первого в России частного океанариума». Строительство обещало стать пожизненным, ибо, едва возведя первый этаж, Венечка под завязку набил его питомцами, для улучшения их жилищных условий надстроил второй этаж, заселил и его, затеял мансарду, приспособил к зданию разновеликие пристройки, соорудил крытые сарайчики, открытые загончики – и так без конца.

– Венька, привет! Как житье, бытие, зверье? – затарахтела я в трубку.

– Лена! Тебя мне сам бог послал! – неожиданно радостно отозвался Венечка. – Уж ты-то не откажешься мне помочь?

Я насторожилась. В прошлый раз, когда Венечка попросил помочь, мне пришлось объехать все зоомагазины города в поисках тридцати белых мышек, каждая из которых должна была весить от ста до ста двадцати граммов, не больше и не меньше. Не буду рассказывать, какими глазами смотрели на меня продавцы, когда я одну за другой возлагала мышей на весы, наотрез отказываясь покупать дистрофичных и ожиревших. В конце концов, помнится, мы взвесили три десятка микки-маусов гамузом, добившись нужного веса нетто. Венька перевешивать грызунов поштучно не стал, поверил мне на слово. А потом я узнала, что кондиционные мыши ему нужны были для того, чтобы составить идеальный рацион питания для молодой растущей анаконды! Плачущие белые мышки долго снились мне ночами...

– За мышами не пойду, даже не проси, – сразу предупредила я.

– Мыши не понадобятся, – заверил Венечка. – Вообще никаких кормов. Просто мне нужно на пару дней пристроить в хорошие руки Мурика.

– Ты же знаешь, у меня Тоха, – напомнила я. – Два кота в одной квартире вряд ли уживутся, разве что твой Мурик совсем маленький еще.

– Пятимесячный! – с жаром воскликнул Венька. – Совсем кроха, не линял еще!

– Не линяет – это хорошо, – заметила я. – Мне и одного линяющего Тохи хватает, ходит по дому, как целая отара мериносов... На пару дней, говоришь? Ладно, привози своего Мурика вечером, так и быть, на пару дней я стану ему родной матерью.

Венька растроганно всхлипнул.

– Не благодари, – отмахнулась я. – Лучше ответь мне на один вопрос: у нас в городе есть моржи?

– Мои теща с тестем, например, – ответил Веня.

Я озадаченно крикнула. Ну ничего себе! Никак Венька с ластиногими породнился?! Нет, я понимаю, любовь к животным и все такое, но не до такой же степени!

– Ты женился? Поздравляю, – осторожно сказала я. – А на ком?

– Ты ее не знаешь, она в Геленджике живет, в дельфинарии работает, – как ни в чем не бывало ответил Венька.

– Выступает?

– Сейчас, в сезон, дважды в день, – вздохнул Венька. – Так что мы с ней и не видимся почти. Вот осень наступит, я ее сюда привезу на всю зиму, тогда и познакомитесь.

Ага, прошлой зимой у Веньки в специально оборудованном бассейне жил дельфин. А теперь, значит, моржиха поселится. Ну, ясное дело, не выгонять же на мороз родного человека, то есть родного моржа...

– У Наташки на зиму большие планы, – продолжал Венька. – Хочет в кино ходить, в театр и в гости, говорит, надоело гидрокостюм носить, хочется платье надеть...

Усилием воли отогнав видение дородной моржихи в вечернем платье с декольте, я облегченно вздохнула. Значит, Венькина жена – нормальная баба. А как же родственники-моржи?

– Слышь, Венька, ты про каких моржей говорил? Про людей, что ли? Которые зимой в прорубях плавают? – перебила я приятеля.

– Ну да. А ты про каких спрашивала?

– Тюлень ты! Я интересуюсь, есть ли у нас в Екатеринодаре какие-нибудь ластиногие на вольном выпасе? В смысле, в дикой природе?

– Спятила? Чай, не в Гренландии живем!

– Нету, значит? Жалко, – расстроилась я.

Венька задумчиво посопел и вдруг великодушно предложил:

– Ну, если хочешь, я тебе лично устрою котика.

– У меня уже есть котик, – напомнила я. – А считая твоего подкидыша Мурика, даже два!

– Морского котика!

– Нет, спасибо, мне и своего сухопутного хватает, – я уже думала о другом. – Спасибо, Венька, как-нибудь увидимся.

– Так я Мурика привезу? – выкрикнул Венька.

– Привози, привози, – я положила трубку и задумалась.

Так кто же это шляется в лапах у пруда птицефабрики?

Ближе к вечеру по кабинету опять метался Дмитрий Палыч: на его взгляд, подготовленный к эфиру выпуск новостей был недостаточно интересен. Ну что это за новости: ни одной, даже самой завалющей сенсации?

Я была совершенно согласна с начальником, но помалкивала, злясь сама на себя: ну что мне стоило зайти в коровник, тьфу, в птичник, вместе с оператором? Такой материал для сюжета!

– Придется обойтись без страусов, – с сожалением сказала я Вадику. – Одними общими планами птичника и Института птицеводства. Для отдельного страусиногo сюжета информации не хватает, а в сюжет про эйхорнию страусы, пожалуй, не ложатся. Оттянут одеяло на себя...

– Жалко, – погрузнел стажер. – У меня есть такой дивный крупняк одной птички – она прямо в объектив сунулась, думал, клюнет!

– Жалко, – согласилась я.

– Жалко, что не клюнула, – съязвил прислушивающийся к нашему разговору любопытный Слава. – Любового столкновения с разогнавшимся страусом никакая оптика не выдержит, вот заплатили бы вы в складчину за разбитый объектив, и было бы вам тогда жалко! Только уже не пропавшего сюжета, а своих денег!

– А как они выглядят, эти деньги? – Вадик посмотрел на меня мечтательно затаумившимися глазами. – Нам в институте стипендию давали так редко и такую маленькую, что я уже и не помню, какие они, деньги! Нет, десятки помню, полтинники тоже, а вот сторублевую купюру воображаю уже с трудом, про пятисотки и говорить нечего. Вроде они красные, да? Или синие? Зеленые – это доллары, помню, хотя тоже давненько не видал...

– Я тоже, – эта моя реплика поставила точку в неделовом разговоре. – Давай-ка решать, что будем делать с сюжетом!

Мы посовещались и нашли выход из положения: обошлись и без страусов, одними эйхорниями и туманно-интригующей информацией о гибели Усова. Жаль только, показать усопшего не могли – вовсе не из этических соображений, а потому, что такого видеоматериала у нас, по мнению ментов, просто не было. Признаться же в том, что мы с Вадиком слегка попартизанили и запасли копию, мне показалось крайне неразумным.

Я много раз убеждалась в том, что уважаемые силовики норовят путать понятия «свободная пресса» и «служебная собака»: по их мнению, обе в идеале должны быть оснащены коротким поводком, строгим ошейником и намордником! Вместо благодарности за труды тем же вечером я получила нагоняй – с доставкой на дом. Собственно, я не получила бы его, если бы не заехала к себе на квартиру, чтобы по велению Коляна проверить электронную почту.

Нервные вопли телефона я слышала еще на лестнице. Как назло, ключ заело в замке, пришлось провозиться несколько минут, но телефон не отрубался, верещал, как подстреленный. Мельком удивившись тому, что кто-то проявляет такую настойчивость, с упорством идюта звоня по домашнему номеру, когда гораздо проще и вернее звякнуть мне на сотовый, я вломилась в прихожую и схватила трубку. Сумка съехала с моего плеча, ударила ремешком по локтю, я выронила телефонную трубку, и она со стуком упала на пол.

– Твою дивизию! – вполголоса выругалась я, в потемках шаря рукой по линолеуму.

Ворвавшись в дом, зажечь в прихожей свет я не успела, а входную дверь уже захлопнула.

Под руку попадались только крупногабаритные кроссовки Коляна. Не переставая тихо ругаться, я выпрямилась, нащупала на стене выключатель, зажгла свет, подняла трубку и не из хулиганства, а только по инерции произнесла в нее:

– Вашу мать!

– Мать вашу! – немедленно откликнулась трубка разъяренным мужским голосом.

Это было так похоже на пароль и отзыв, что я подумала, будто звонит наш приятель Миша, большой любитель телефонных шуточек.

– База торпедных катеров! – упреждая любимую Мишину реплику, с радостной готовностью объявила я. – Предоставляем прокат торпед, берем заказы на поражение целей, оптовым заказчикам скидки, каждый десятый выстрел – бесплатно! Призовая игра гарантирована.

В трубке замолчали.

– Мишель, это ты? – удивленная отсутствием ожидаемого басовитого хохота, спросила я.

– О каких выстрелах речь? – подозрительно спросил голос, не очень похожий на Мишин.

– О! Это не Миша? Тогда пардон, я пошутила. А кто вы?

– Это я, почтальон Печкин, принес записку про вашего мальчика, – злобно сказали в трубке. – Это пресс-служба ГУВД края, майор Михряков, вот кто! А кто вам, уважаемая Елена Ивановна, позволил распространять нездоровые сенсации и предавать огласке непроверенные факты?!

Тут мне все стало ясно: исправно функционирующие внутренние органы, в смысле, органы внутренних дел, оперативно реагировали на мой репортаж в вечернем выпуске новостей!

– Сергей Леонидович, дорогой! – сладким голосом воскликнула я. – Какие такие непроверенные факты? Вы про эйхорнию и ботаника Усова? Так результаты научного эксперимента я видела, обоняла и осязала самолично, ведь упомянутый пруд доступен всем и каждому! Да и трамвайного жмурика, опять же, имела сомнительное удовольствие созерцать воочию! Это зрелище тоже было бесплатным, билеты с нас никто не спрашивал, даже кондукторша...

– Елена, не юли! – рявкнул майор. – Мы что, первый год знакомы? Признавайся, откуда тебе стала известна личность убитого? Тут целая опергруппа парится, разбирается, что к чему, а ты уже впереди всех на белом коне! У покойника, между прочим, никаких документов при себе не было, и пальчики его в картотеке не засвечены, говори, откуда узнала, кто он!

Я тихо засмеялась, прикрываясь ладошкой:

– Эх, Сергей Леонидович, Сергей Леонидович! Вот вы пресс-служба, а газет не читаете!

– При чем тут газеты?

– А при том, что в последнем номере «Микрополиса» про ученую деятельность гражданина Усова все-все обстоятельно прописано было! И портретик нашего ботаника там был! А наружность у него, сами видели, запоминающаяся, одни уши растопырчатые чего стоят, да и волосики такие рыжие не всякий день увидишь! Я статейку прочитала, гражданина ботаника запомнила и, как следствие, опознала его в трамвайном покойнике! Вот и весь секрет!

В трубке повисла тишина. Я злорадно прислушивалась к тяжелому сопению майора.

– Блин, – наконец довольно спокойно сказал он. – Вот ведь блин!

– Комом, – напевно добавила я.

– Молчи, зараза, – уже беззлобно, даже чуть виновато буркнул майор. – Ох, знаю я вашего брата. Небось недоговариваешь, темнишь чего-нибудь по профессиональному обыкновению!

– Никак нет, не темню! – бодро воскликнула я. – Товарищ майор, разрешите идти?

Отбитый по всем позициям Михряков промолчал, я положила трубку, послала телефонному аппарату воздушный поцелуй и, пританцовывая, всплыла в комнату: один ноль в мою пользу!

Нет, я ничего не имею против нашей доблестной милиции и прочих силовых структур! Как мирный и обычно вполне законопослушный гражданин, я ценю труд тех, чья служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна. Жаль, конечно, что она порой не видна и на второй взгляд, и на третий, но не о том речь. Просто очень неприятно, когда кто-то бесцеремонно и бестолково вмешивается в твою работу, пытается ее контролировать, направлять и ограничивать поток информации, без которой население обречено на мучительный сенсорный голод. Увы, по этому пункту мнения прессы и органов то и дело расходятся.

Но вернемся к вопросу об информационном голоде: я ведь заехала домой только для того, чтобы проверить электронную почту!

Все еще приплясывая и невнятно напевая, я запустила компьютер и посмотрела, что насыпалось мне в почтовый ящик. Ага, сразу три письмеца от Коляна, понятно теперь, почему он на меня сердился... А что еще? Куча сообщений из агентства «Интерньюс», я у них в списке рассылки... Какие-то рекламные агитки... А это что такое?

С откровенным недоумением я рассматривала цветную картинку, больше всего похожую на квадрат, вырезанный из школьной тетрадки в клетку, причем клеточки были аккуратно и на первый взгляд бессистемно раскрашены в разные цвета. Я сосчитала их: десять на десять, всего, стало быть, сто клеточек. Гм... Есть, кажется, такая игра, столеточные шашки... или шахматы? Но там-то доска в любом случае черно-белая!

– Фэн-шуй какой-то, – растерянно пробормотала я.

Интересно, кто прислал мне это произведение абстрактной живописи? Кто отправил сообщение? Я посмотрела: загадочный радужный квадрат оказался анонимкой!

– Ничего не понимаю, – честно призналась я.

Эх, был бы рядом Колян, он бы, наверное, быстро нашел способ узнать, откуда к нам пришло это сообщение, а я в компьютерных делах не разбираюсь, знаю только самые элементарные операции – как создать файл, открыть-закрыть, сохранить...

Машинально я потянулась к полочке над монитором, на ощупь достала из коробки дискету и переписала на нее разноцветное диво. Потом почистила свой виртуальный почтовый ящик, вышвырнув в корзину пустопорожние сообщения, написала три ответа на три мужних записочки, отправила их, дождалась подтверждения доставки и со спокойной совестью вырубил компьютер. Забегу дня через два, а сейчас мне пора покидать родные стены, потому как час уже поздний, а в Иркиных хоробах Томка и Тоха ждут – не дождутся вечерней кормежки.

Уже поднявшись с вращающегося табурета, я зацепила глазом дискету. Куда бы ее определить? Мозги сработали сами по себе, проассоциировав одну загадку с другой: положу-ка я эту дискету в зеленый фэн-шуйский конверт с газетной вырезкой!

Я потянулась к книжной полке, привычно пробежалась пальцем по корешкам: помню, оставила конверт торчать между томиками Стругацких...

Пальцы, как по клавишам, скользнули по корешкам и уперлись в боковину полки. Конверта не было!

Удивленная, я внимательно осмотрела книжный шкаф ряд за рядом, но приметного зеленого конверта не нашла. А вот же он, лежит на полочке рядом с принтером... Странно, не помню, чтобы я его туда клала... Склероз? Или уже маразм?

Опасливо прислушиваясь к себе – не обнаружатся ли еще какие признаки фатального расстройства мозговой деятельности, – я сунула дискету в задний карман джинсов, конверт в сумку, вздернула торбу на плечо и вышла из квартиры. Закрыла дверь на ключ, спустилась во двор, села в машину, и тут меня одолело сомнение – а заперла ли я входную дверь? Пришлось идти проверять. Дверь оказалась закрытой, я успокоилась, побежала вниз, но тут же усомнилась, а выключила ли я свет в прихожей? Вернулась и открыла дверь, заглянула в прихожую: свет горел, быстро ударила по выключателю.

– Газ не включала, воду не открывала, к окнам не подходила, – вслух припомнила я, могучим волевым усилием заставляя себя покинуть лестничную площадку.

Спустилась во двор и обнаружила, что забыла закрыть машину!

Похоже, ранний склероз действительно нашел свою жертву!

Жора Ключкин был совершенно уверен, что стал бандитом с благословения церкви.

Дело было так. Принимая крещение, двухлетний Жорик орал благим матом, умолкая только в момент полного погружения в купель. Радуюсь короткой передышке, священник непроизвольно задерживал ребенка в прохладной водице чуть дольше, чем следовало, что не добавляло маленькому Жорику хорошего настроения.

– Крещается раб божий... как имя? – перейдя с напевного баса на конфиденциальный шепот, спросил батюшка у Жориной мамы.

– Жорик, – с готовностью подсказала мамочка.

– Георгий! – мажорно пророкотал священник.

– Ва-а-а! – в той же тональности отозвался Жорик, напрочь заглушив основную партию.

Соревноваться в крике с молодым растущим организмом мудрый батюшка не желал.

– Дайте ребенку игрушку! – деловитый речитатив священника привнес в каноническое многоголосие элемент модного рэпа.

– Гу! – в тему подхватил чуткий Жорик, лягнув пяткой крестного папу.

По рядам присутствующих прошло движение: из рук в руки Жорику передали игрушечный пистолет на батарейках.

– Крещается... – снова завел батюшка.

– А-а-а! – мощным крещендо перекрыл его Жорик.

Багровея, священник набрал в грудь воздуха. В образовавшуюся паузу очень удачно легло джазовое соло Жорика на пистолете:

– Трах-тах-тах!

– Отдай-дай-дай! – пискляво завел за спинами гостей пацаненок, лишенный в пользу Жоры личного оружия.

Так слаженный дуэт спевшихся батюшки и Жорика украсился звонким подголоском.

– Раб божий... – возвысил голос священник, твердо намеренный довести свою партию до конца.

– Ай! Ай! Ай! – цыганисто всхлипывая, громко затопал ногами обезоруженный малец.

Эта удалая чечетка отозвалась эхом под сводами и легкой танцевальной дрожью в коленях присутствующих.

– Георгий! – рявкнул батюшка.

Неугомонный Жорик так и принял крещение с пистолетом в руках.

– Боюсь, как бы он теперь бандитом не стал, – посетовала на выходе из храма Жорина мамочка.

– Почему, как с пистолетом, так сразу бандитом? – попытался успокоить ее рассудительный супруг. – Может, он милиционером будет? Или военным! Оружейником, на худой конец!

Но мама лучше знала своего сына и в конце концов оказалась права.

Правда, Жора не стал профессионалом высокого класса. Он даже не приобрел какой-нибудь узкопрофильной криминальной специальности – так, преступник-разнорабочий, бандит-за-все. Однако в провинции, где редкий авторитет мог позволить себе штатного киллера, средней руки мастер-универсал вроде Жорика мог рассчитывать на постоянный ангажемент.

Действительно, у Жорика был хозяин – коммерсант-предприниматель, владелец сети ювелирных магазинов с тематическими названиями: «Золотой гусь», «Золотой петушок», «Золотая рыбка» и «Серебряное копытце». Звали его Аркадий Валентинович Раевский. В штатном расписании сотрудников Жора числился ночным сторожем, получал небольшую зарплату и полный социальный пакет, но трудился лишь время от времени и отнюдь не по профилю.

Работа Жорику, в принципе, нравилась, но он очень не любил иметь дело с неординарными личностями. «Психи», как он их называл независимо от характера неординарности, обычно отличались нетипичными реакциями и непредсказуемостью. Это страшно усложняло работу Жорика, потому что, в свою очередь, требовало нестандартных решений и от него.

Что эта телевизионная баба из разряда психов, Жорик понял со второго взгляда. Почему со второго, а не с первого? Потому что первый взгляд он бросил на телеэкран, а там баба выглядела вполне прилично, хотя и стояла на берегу пруда дура дурой – с микрофоном в одной руке и пучком какой-то морской капусты в другой.

Ничего, нормальный клиент, решил было Жорик, прикидывая, как он будет действовать: квартиру обшарит, пока хозяйка на работе, а саму бабу подкараулит на маршруте. Долго ли умеючи?

Однако уже второй взгляд, мельком брошенный Жориком на клиентку из темноты парадного подъезда, заставил его усомниться в успешности выбранной тактики.

Притаившись в темном углу под лестницей, Жорик пропустил мимо бабу, галопом проскакавшую наверх, в свою квартиру на втором этаже, и задумался. Резвость дамочки ему не понравилась. Ишь, какая прыткая! Прогалопировала без остановки, в почтовый ящик не загля-

нула, перед ступеньками не притормозила – а ведь в подъезде темно, хоть глаз коли, неужто не боится оступиться?

Беззвучно поворчав, Жорик приготовился ждать, но тут в подъезд по-хозяйски вошел неопределенной масти кот, принявшийся неторопливо и методично метить территорию: рассохшиеся двери подъезда, нуждающиеся в покраске стены, выщербленные ступеньки, металлические основания лестничных перил и даже самого Жорика, в последний момент избежавшего принудительной ароматизации, спасшись бегством. Оступаясь во тьме, Жорик поднялся на лестничную площадку между первым и вторым этажами, поправил ломик в рукаве спортивной куртки и выжидательно уставился на дверь, местоположение которой выдавала светящаяся, как прицел, точка дверного «глазка».

Окруженный радужным ореолом желтый светлячок гипнотизировал, разморенный духотой Жорик начал клевать носом и потому пропустил момент, когда сумасшедшая баба, хлопнув дверью, кубарем скатилась по лестнице во двор.

– Е-твое! – конспиративным шепотом выругался Жорик, слезая с удобного широкого подоконника.

Обернутый материей ломик с мягким стуком упал на пол. Продолжая беззвучно материться, Жорик нагнулся и подслеповато прищурился, всматриваясь в темноту в поисках орудия труда. Ухо его обдало ветром: мимо, вверх по лестнице, кто-то пронесся. Опять она, с запозданием понял Жорик, увидев, что дверь квартиры снова распахнулась. На ступеньки пролился желтый свет из прихожей квартиры, и на бетоне площадки у самых ступенек следующего марша Жорик увидел искомый продолговатый тряпичный сверток. Обрадовавшись, он опустился на четвереньки, и тут свет погас, дверь хлопнула, и сверху – Жорик едва успел отпрянуть к стене – проскакала неугомонная баба. И чего разбегалась, спрашивается?!

Опаздывающий Жорик тихо застонал, поспешно зашлепал ладонью по полу в поисках ломака, нашел, и в этот момент все та же заводная баба, вихрем взлетев по лестнице, наступила ему на руку каблуком!

Жорик беззвучно взвыл, машинально отдернул пораженную руку, потряс ею в воздухе и с откровенной ненавистью посмотрел в сторону квартирной двери. Ломик остался лежать на площадке, неразличимый во мраке.

– Черт с ним, – прошептал себе под нос Жорик, потихоньку ретируясь к выходу из подъезда. – Что я, руками работать не умею?

Прямо у подъезда, уткнувшись в увитые алыми розами шпалеры, стояла машина, на которой приехала баба. Увидев ее, Жорик моментально составил новый план действий – вернее, подобрал вариант из успешно опробованных ранее.

Он подошел к «жигуленку» и осторожно подергал ручку дверцы – сигнализация не завопила. Жорик удовлетворенно потер руки, поморщившись при прикосновении к отдаленной ладони, и пошел вокруг автомобиля.

Он внимательно присматривался к окошкам, и не зря: со стороны водителя стекло оказалось припущенным. Жорик попытался просунуть в щель руку – не получилось, мешал рукав спортивной куртки. Закатать рукава повыше не позволяли тугие манжеты, поэтому Жорик, недолго думая, снял куртку и аккуратно повесил ее на шпалеру. Потом, вспомнив кое-что важное, достал из кармана куртки пачку долларов и переложил ее в карман джинсов. Деньги предательски торчали из кармана тесных штанов, но не оставлять же их без присмотра!

Жора вернулся к машине, просунул руку в салон и открыл сначала одну дверцу, потом другую. Сел сзади, закрыл дверцы, подумав, опустился на пол между сиденьями и приготовился ждать, с тихим хрустом разминая пальцы. Правая рука болела, и Жорик не чувствовал ни малейших угрызений совести по поводу того, что собирался совершить. Надо же, оттоптала руку человеку, поганка! Да за это убить мало!

Едва я села в «жигуль», как зазвонил сотовый. Я не люблю разговаривать по телефону, когда веду машину: если увлекусь беседой – забуду, как рулить; если отдамся полностью процессу вождения – не поговорю как следует. Поэтому я погодила заводить авто, отцепила с пояса мобильник и поднесла его к уху.

– Да?

В трубке зазвучал голос – непонятно, чей именно: слышимость была неважная. В надежде на улучшение качества приема я выбралась из машины, и голос в трубке усилился.

– Лен, это ты? Привет! Это Люба.

– Привет! – искренне обрадовалась я. – Ты откуда звонишь?

Любка – отличная девчонка, то есть, собственно, давно уже не девчонка, а молодая деловая дама, одинокая мать подрастающей дочери. Впрочем, дамой ее тоже не назовешь: сколько помню, Люба всегда ходит, точнее, бегаёт, в джинсах, кроссовках, стриженные «под мальчика» выгоревшие волосы всклокочены, на физиономии – выражение озабоченности, забавно сочетающееся с иронической улыбкой. Умненькая девочка в свое время окончила иняз, по-английски шпрехает как Маргарет Тэтчер и применяет эти знания в порту города Темрюка – насколько я понимаю, Люба грузит пароходы. Ну, не лично грузит, а как-то руководит процессом, который я представляю себе довольно смутно. Так или иначе, жить Любаша вынуждена в упомянутом портовом Темрюке, так что видимся мы с ней редко, а жаль!

– Я в Краснодаре, – сказала Люба.

– А точнее?

– Точнее, на улице Западной, рядом с твоим домом. Синий «вольвешник» припаркован у клумбы с какими-то здоровенными голыми бодылками – это у вас бамбук, что ли? Я в нем сижу.

– В бамбуке? – не поняла я.

– Еще чего! В «вольвешнике»! Если уж тебе нужна точность, на переднем сиденье, рядом с водителем!

– Ух ты, у тебя водитель? – не без зависти восхитилась я. – Надо же! А я вот сама рулю...

– И зря, – перебила меня Люба. – Что это мы, сразу на двух автомобилях поедem, как свадебный кортеж? Двигай сюда, заднее пассажирское сиденье в твоём полном распоряжении!

– Уже иду, – с готовностью отозвалась я, поспешно поднимая стекло в окошке Иркиного «жигуленка».

Машина припаркована на славу, стоит спокойно в моем дворе до завтра. Я выдернула ключи из замка зажигания, захлопнула дверцу и на сей раз убедилась, что автомобиль герметично закупорен.

Клумбу с бодылками, как их назвала Люба, я прекрасно знала: это опытная плантация моего соседа-мичуринца. В конце мая неугомонный дедусь самозахватом занял клумбу и посадил на ней какое-то неведомое науке однолетнее растение, поначалу отдаленно напоминавшее огуречный куст, но без характерных цветов и плодов. Уже к августу из травы вымахало что-то вроде гигантского раскидистого борщевика, только с красно-зелеными листьями, здорово смахивающими на пальмовые. Окрестная детвора, жарким летом играя в африканских папуасов, эти разлапистые листья оборвала начисто – на тростниковые юбочки. На оголившейся клумбе остались только длинные узловатые стволы, действительно очень похожие на бамбук.

Сократив путь, я пробралась через клумбу и вылезла из зарослей ложного бамбука прямо к капоту иномарки сочного ультрамаринового цвета.

– Колер автоэмали подсказан цветом морской волны? – поинтересовалась я, забираясь на заднее сиденье.

– Почему? – Люба перегнулась, чтобы чмокнуть меня в щеку.

– Ну как же, Темрюк расположен на берегу Азовского моря, а вы находитесь в порту...

– Мы находимся в заднице, – грустно вздохнула подруга.

– Любопытная география, – заметила я.

Трудноразличимый в полумраке салона водитель молча тронул машину с места.

– Куда едем? – спросила я.

– В гостиницу, – ответила Люба. – У меня там номер-люкс, коньяк, икра, шоколад и пирожные в ассортименте. А еще у меня там один человек...

– А я вам не помешаю? – обеспокоилась я. – Третий лишний! Если, конечно, за то время, что мы с тобой не виделись, ты не пристраслилась к нетрадиционным сексуальным игрищам. Тогда сразу предупреждаю, я в этом не участвую, коньячку, так и быть, с вами выпью, пирожные стрескаю – и домой, баиньки. У меня муж.

– Обьелся груш, – грустно срифмовала Люба. – Не бойся, Содом и Гоморру я не планирую. Ты нам нужна как источник информации.

– Это пожалуйста, – согласилась я, откидываясь на мягкий диванчик сиденья. – Источником побыть я могу. Пофонтанирую на любую заданную тему. Кстати, что тебя интересует?

– Дерьмо! – с чувством произнесла Люба.

– Прости, я что-то не то сказала? Это ты меня обругала или просто так, от полноты чувств выражаешься?

– Меня интересует дерьмо! – несколько спокойнее повторила подруга.

– Это свежо, – озадаченно протянула я. – В смысле, конечно, не свежо, какая может быть свежесть в дерьме... Но оригинально... Слушай, а в каком качестве оно тебя интересует?

– В качестве фекалий.

– Хорошо, что не в качестве фетиша! – хмыкнула я. – А вообще-то, хотелось бы поподробнее, что-то я ничего не понимаю.

– Сейчас поймешь. – Порывшись в объемистой сумке, Люба передала мне тонкую пластиковую папочку с бумагами. – На вот, почитай пока, в общих чертах будешь в курсе. А подробности тебе мой знакомый выдаст, это он нас в гостинице ждет.

Молчаливый водитель, не дожидаясь просьбы, нажал какую-то кнопку, и нутро салона озарилось мягким светом. Я вынула из папочки пару скрепленных между собой листков и погрузилась в чтение.

Через минуту я уже хихикала, с большим трудом удерживаясь, чтобы не расхохотаться в полный голос: мрачное Любино лицо ясно говорило о том, что она к веселью не расположена. Почему – я пока не понимала, но не спрашивала, резонно полагая, что вскоре все само собой выяснится, и наслаждаясь чтением представленных мне текстов.

В переложении с канцелярского языка на человеческий история, позднее дополненная комментариями Любы и ее знакомого, выглядела так.

Любкина компания, загружающая разным добром суда в порту, должна была поставить на некое судно банальные канцтовары: клей, всяческую бумагу, скотч, почтовые конверты и прочее. Ну, закончились у моряков эти простые, но важные предметы быта: сухогруз болтался в нейтральных водах уже больше двух недель и должен был болтаться еще, как минимум, столько же. Ладно, скотч или маркеры, но туалетная бумага нужна была ребятам позарез!

Не предвидя никаких сложностей, капитан отправил список дефицита в Любкину контору, а уж Люба лично повезла его в таможню, без разрешения которой на борт иностранного судна нельзя передать абсолютно ничего. Забыла сказать, судно ходило под мальтийским флагом, но с командой, наполовину состоящей из русских моряков, и под командованием капитана-украинца.

Итак, Люба привезла чин чином оформленные бумаги в таможню, и тут ее ждал в высшей степени неприятный сюрприз: начальник, чья подпись была необходима, потребовал доказать ему, что упомянутые в перечне предметы не являются запчастями для судна.

– Как же, скотч крайне важен, чтобы латать пробоины, – по-приятельски пошутила было Люба с тупым начальником: в школе они с этим капитаном Василием Петровичем Гавриковым, в ранней юности – Васяткой, сидели за одной партой.

Однако годы работы в таможне превратили Васятку в жуткого чинушу и взяточника, поэтому он даже не улыбнулся Любиной шутке. Мол, или докажете, что туалетная бумага и конверты не есть судовые запчасти, или извольте выйти вон.

Как это ни глупо, но Любе было бы легче доказать, что она не верблюд. Понадеявшись, что скудоумный Васятка через день-другой будет в лучшем расположении духа и подпишет-таки бумагу, она ушла восвояси и вернулась на следующий день – на всякий случай вооружившись многостраничным списком судового оборудования и запчастей. Как человеку разумному, ей казалось, что отсутствие в этом перечне канцтоваров говорит само за себя.

Не тут-то было! Алчный капитан Гавриков уперся рогом, требуя документ, в котором черным по белому было бы написано, что скотч и прочее не являются запчастями. При этом вредоносный Васятка ссылаясь на инструкции, на деле откровенно вымогая взятку.

Будь на то Любина воля, она сунула бы мерзавцу конвертик, и дело с концом, но тут в игру вступил разъяренный проволочкой капитан сухогруза – Петро Осипчук. Будучи классическим упрямым хохлом, он решил повоевать с таможенником его же оружием. В равной степени страдающая от отсутствия туалетной бумаги и от скуки, команда капитана Осипчука поддержала, и Гаврикову приготовили западню.

Знаете, что такое фекалии? Правильно, дерьмо. Несколько десятков регулярно питающихся моряков ежедневно производили немалое количество упомянутой субстанции. А куда ее девать? Не в море же? Поэтому специально оборудованный транспорт регулярно забирал с судна так называемые фекальные и лияльные отходы – разумеется, по накладной: не будем забывать, что сухогруз стоял в нейтральных водах и, стало быть, его фекалии ввозились в Россию из-за границы.

Так вот, вся прелесть ситуации заключалась в том, что неправильное оформление документов на фекалии превращало их в контрабанду, каковую таможня по инструкции должна была арестовать, в течение определенного времени хранить на складе и лишь потом реализовать по собственному усмотрению!

Битва двух капитанов была краткой: Осипчук одолел Гаврикова его же собственным оружием. В результате грамотно составленного заговора Васятка Гавриков – не лично, а как представитель таможни, – в полном соответствии с правилами стал счастливым обладателем целой цистерны контрабандных какашек.

– Ну и какие проблемы? – стараясь не слишком оскорбительно хохотать, сочувственно сказала я господину Гаврикову, едва мы успели выпить за знакомство. – Действуйте и дальше по своей инструкции! Чего уж проще, фасуйте свои фекалии по бочкам, как молоко или квас, и торгуйте контрабандными какашками в розлив! Садоводы-огородники будут покупать как отличное натуральное удобрение. А что? Вот, говорят, в Китае каждый гость просто-таки обязан хоть раз испражниться на огороде хозяина. Очень ценятся там эти самые фекалии.

– Что же мне теперь, в Китай это дерьмо волочь? – угрюмый Васятка Гавриков глянул на меня со злостью.

Слегка приподняв брови, я выразительно посмотрела на подружку Любу: ну чего ради я буду помогать такому неприятному типу, как Васятка Гавриков? Страшная месть Осипчука со товарищи казалась мне не только остроумной, но и вполне справедливой.

– Ленка, будь человеком! Я тебя прошу, помоги, – попросила Люба. – Дело в том, что они никак не могут торговать в розлив. Они уже слили это дерьмо в старый рисовый чек.

– В рисовый? Точно, прямиком по китайскому пути идете, – я продолжала подкалывать противного Васятку.

– Лен, я серьезно, помоги, а? – обычно ироничная, Люба даже не улыбалась. – Мое начальство катит бочку на меня – мол, не уследила, проворонила, как морячки заварили кашу...

– Какашу, – не унималась я.

– И с экологами у нас теперь жуткий конфликт, – продолжала расстроенная Люба. – На штрафах мы вот-вот разоримся, и что с дерьмом этим делать – непонятно.

– Может, оно само растворится? – подал голос угрюмый Васятка.

– Лет за пять, если регулярно перекапывать, – кивнула я. И, не удержавшись, съязвила: – А вы в фермеры переквалифицироваться не хотите? Я имею в виду, когда вас из таможни попрут? А то есть смысл застолбить этот самый рисовый чек под сад-огород. Думаю, через пару лет это будет самое плодородное поле в округе.

– Ты лучше скажи, где нам найти то растение, про которое ты накануне в новостях рассказывала, – попросила Люба.

– А! Вот в чем дело! – С большим опозданием до меня дошло, почему со своей дерьмовой проблемой Люба и капитан Гавриков пришли именно ко мне. – Вам эйхорния нужна? Так это можно устроить! Хотите, отвезу вас к пруду? Только грести из воды эту зелень и волоочь ее в Темрюк вы сами будете, я силосозаготовками не занимаюсь.

– Поехали, – капитан Васятка вскочил с места, резко отодвинув в сторону блюдо с пирожными.

Едва успев выхватить из-под его локтя последний вкусенький эклер, я возразила:

– Как это – поехали? Ночь на дворе!

– Половина четвертого, – поправила Люба.

– Как, уже половина четвертого?! – искренне ужаснулась я. – Так какое же это утро!

– Хреновое, – совсем как в анекдоте, мрачно рыкнул Васятка, совершенно бесцеремонно выдергивая меня из кресла. – Все, хватит болтать! Поехали! У меня там фекалии киснут, и экологи за каждый лишний день к сумме штрафа нолик пририсовывают!

Когда чертова психопатка выскочила из машины, едва успев в нее сесть, Жорик сначала подумал, что ей опять приспичило сбегать наверх, в квартиру. Мало ли, может, у бабы понос?

Но ненормальная, закрыв машину, пробежала мимо своего подъезда и нырнула в какую-то клумбу. Обеспокоенный Жорик влип физиономией в стекло и долго вглядывался в диковинные заросли, все еще надеясь, что несносная баба вернется. Он даже придумал объяснение происходящему: опять же, понос! Прихватило у идиотки живот, побоялась она, что до дома не добежит, вот и пошла в кусты...

Однако время шло, баба не появлялась, и Жорик понял, что ушла она, видимо, довольно далеко и, возможно, надолго. Огорчительнее всего было то, что последовать ее примеру Жорик в данный момент никак не мог: машина закрыта, и покинуть ее не представляется возможным. Поковыряться чем-нибудь в замке, спроворить из подручных средств отмычку? Любимая куртка с карманами, полными подходящих инструментов, осталась вне пределов досягаемости. На жердочке в розовых кустах. А в карманах своих джинсовых штанов Жорик обнаружил только несколько монет, пробитый трамвайный талон и завалявшуюся конфетку «Рондо». Ну и пачку долларов, которая в данный момент ни на что не годилась.

Машинально бросив в рот покрытую табачными крошками мятную таблетку с обломанными краями, Жорик освежил полость рта, но не мозги. Никакого приемлемого решения в голову ему не приходило. На всякий случай он все же обшарил автомобиль в поисках чего-нибудь отмычкообразного, но даже в «бардачке», где у всех нормальных людей по определению царит бардак, было совершенно пусто.

Попробовать выбраться через окно, выбив стекло? С этой нехитрой задачей Жорик справился бы легко, но вряд ли бесшумно, а привлечь к себе внимание ему не было резона.

По здравом размышлении оставалось одно: тихо убраться восвояси вместе с идиоткиной машиной, если уж нельзя убраться из нее. Угонять автомобили, соединив провода зажигания, Жорик научился еще в проблемном пубертатном возрасте.

Уже пересев на водительское место, Жорик заметил сумку, свалившуюся с сиденья на пол. Однако в полной разнообразного мелкого барахла торбе сумасшедшей бабы тоже не нашлось ничего, пригодного для взлома дверного замка!

Делать было нечего. Зубами и ногтями Жора деловито зачистил проводки и оживил «Жигули».

Во избежание конфликтов с ГИБДД тщательно соблюдая правила дорожного движения, он проехал по полупустым улицам неспешно пробуждающегося города. Жора держал курс на новый красивый особняк на тихой улочке, соседствующей с набережной реки Кубани, и добрался туда быстро и без осложнений. Припарковал машину в непосредственной близости от трехметровой кирпичной ограды с чугунными пиками наверху, выключил двигатель и после секундного раздумья переложил торчащую пачку баксов из своего кармана в бабью сумку. А потом, ожидая, пока его присутствие заметят, несколько раз нажал на клаксон и устало откинулся на сиденье.

С экскурсии к эйхорниевому пруду мы вернулись, когда уже рассвело. Любе и капитану Васятке при одном взгляде на чудодейственную эйхорнию явно полегчало, они уже строили планы, как массово перебазировать ценную растительность в свои пенаты. Я поняла, что предполагалось одолжить у темрюкского рыболовного кооператива машину с цистерной для перевозки живой рыбы.

Я откровенно зевала и грустила оттого, что поспать не удастся, пора идти на работу.

Все тот же «Вольво» подбросил меня к дому, чтобы я могла хотя бы переодеться и что-нибудь перекусить перед началом трудового дня. А времени осталось – совсем чуть! Пришлось взбодриться.

На ходу раскланиваясь с бабульками на лавочках, я галопом пробежала через двор, прыгнула в подъезд, взлетела по лестнице до площадки между первым и вторым этажами и тут застыла, как журавль, на одной ноге: с некоторым запозданием меня настигла тревожная мысль, что во дворе что-то было не так. Не опуская ногу, я некоторое время соображала, что к чему, но ни до чего не додумалась, поэтому просто выглянула в окно. Пошарив по двору, взгляд мой уперся в розовый куст с висящей на нем спортивной курткой. Это что же, кто-то белье вздумал сушить у нас на цветочных шпалерах? Странно, конечно, но все же не настолько, чтобы я затормозила на полном ходу. Кажется, было что-то еще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.